

АНДРЕЙ САМОЙЛОВ
ВСЕВОЛОД ГЛУХОВЦЕВ



ПОСЛЕДНИЙ
ПЕРЕХОД

**Андрей Самойлов
Всеволод Глуховцев
Последний переход**

<https://litres.ru/74105721>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы день за днем живем привычной жизнью, не зная о тревожных, грозных пространствах, скрытых от нас за горизонтом событий. Где, как человек может столкнуться с неведомым? Да где угодно, в любой точке Земли! И вдруг изменится всё, сдвинутся границы бытия, и само небо, кажется, начнёт сочиться кровью. Что делать в этом искаженном злобой мире? Закон один: убей! – или убьют тебя. Когда пятеро самых обыкновенных парней, отправившись в путешествие по дикой таежной реке, неожиданно для себя столкнулись с параллельной реальностью, вторгшейся в наш белый свет из тёмных глубин мироздания, им пришлось испытать всё это на себе

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	31
ГЛАВА 3	52
ГЛАВА 4	71
ГЛАВА 5	80
ГЛАВА 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Андрей Самойлов, Всеволод Глуховцев Последний переход

Настоящая история НЛО – это история о духах и привидениях, о странных психических расстройствах, о невидимом мире, который окружает нас и временами врывается в наш мир... Это мир иллюзорности... где сама реальность искажается неведомыми силами, которые могут, очевидно, управлять пространством, временем и физической материей – силами, которые почти полностью недоступны нашему пониманию... В общем и целом свойства и характеристики НЛО представляют собой мелкие вариации известных многие века явлений демонологии.

Джон Киль. «Операция „Троянский конь“»

ГЛАВА 1

14 ноября 1936 г.

Южный Урал, Башкирская АССР

Таёжные осенние сумерки из последних сил цеплялись за хмурое небо. Меж стволов огромных елей нехотя бродил холодный ветер, а выше, у самых вершин, его шум, негромкий,

с редкими прерывистыми вздохами, – был до странности похож на шум прибоя у пустого морского берега.

Но это там, наверху. Внизу же – мрачно, холодно и сыро. Дождя вроде бы не было, но он прошёл не далее как полтора часа тому назад, и ветер, гулявший по тайге, щедро сыпал с ветвей на землю студёные мини-ливни.

Этого добра от души хватило трём мужчинам, притаившимся под нижним ярусом еловых ветвей почти на вершине сопки. Одной из нескольких, окружавших долину, в самом низу которой находилась небольшая деревушка Авзяново.

Вечерний туман уже затопил её дома по самые крыши, и мужикам, сидящим в засаде, казалось, что это какое-то недоброе и призрачное нечто, чему нет названия, бесшумно двигаясь, растёт, поглощает долину... Вернее, казалось одному – самому молодому, парнишке лет семнадцати, с едва пробившимися темными усиками. У двух других воображение отсутствовало начисто.

Юнец зябко дрогнул плечами: стылость забралась под старенький тощенький ватник. Зубы сами ударились в судорожный пляс, заклацали друг о друга. Молодой человек поспешил сжать челюсти крепче.

Сосед его, здоровенный небритый мужик в потёртой красноармейской шинели, покосился на своего юного товарища.

– Страшно? – усмешка раздвинула грубую щетину. – Очко играет?

– Да нет, ничего, – мигом откликнулся паренёк. – Во! Ка-

кой тут страх? – Он хлопнул рукой по цевью двустволки, лежавшей рядом.

Третий участник засады – невзрачный пожилой дядька – шмыгнул носом, потёр его ладонью. Рядом с ним лежал кавалерийский карабин времён Первой мировой войны. Здоровяк же прятал под шинелью обрез мосинской трёхлинейки: уroda с отпиленным прикладом и стволом, урезанным почти до самого прицела. Никакой мушки на этом оружии, конечно, не было.

Шмыганье достигло слуха амбала – и было им расценено как боязливость.

– Чего шмыгаешь, дед? Тоже бздишь, что ли?

Деликатностью бывший красноармеец не отличался.

«Дед», которому было-то лет пятьдесят, не больше, ответил не сразу. Он чуть слышно откашлялся, сморкнулся в рукав и лишь после того сказал:

– Дурак ты, Степан. Ежели б я трусил, разве был бы здесь?.. Ну, то-то и оно.

Степан хрипловато рассмеялся:

– А хоть бы и так! Дело делай – и какая, на хрен, разница, трусишь или нет. Хоть с полными штанами, лишь бы делал!

– Вот и обратно ты дурак, – с философским спокойствием заметил пожилой. – С полными штанами и шей не сварись. А что остерегаться надо, так это другое дело. С умом надо!

Юноша, внимательно слушавший подельников, вдруг встрял в разговор:

– Слышь, дядя Миша! А правду про него болтают, как ты думаешь? Ну, что... ну, это самое...

Язык заплёлся, не решился выговорить. Но дядя Миша всё прекрасно понял:

– Ты, Митяй, сам учись мозгой шевелить, не дитё уже. Рассуждай! Что дурачья глупость, а что в самом деле.

Митя педагогические наставления пропустил мимо ушей, ему не терпелось услышать суть:

– Так болтать-то болтают, да ведь смотри, что творится!..

– Цыц! – резко осадил его дядя Миша. – Я тебе говорю: думай башкой. Кто болтает? Колька тот, метелинский? Так он пустобрёх. А что творится, это да. Я сколь лет живу, отродясь такого не видал! Значит, дыма без огня нету. А уж где дым пустой, а где взаправду чего... это, паря, сам различай, на то тебе и голова дадена.

Митяй хотел было ответить, но его опередил Степан:

– А я видал.

– Чего видал?

– Чего вы никогда не видели, лапти лыковые!..

На «лаптей» односельчане не обиделись, однако некоторые препирательства возникли; разгорелся спор, покуда дядя Миша не прикрикнул на соратников: больно уж расшумелись.

Сердитым шёпотом Степан заговорил:

– Я в Гражданскую аж до Владивостока дошёл! Беляков бил, чехов, япошек... Так всю эту сволочь в море и спихну-

ли! А потом долго ещё там был, на Дальнем Востоке. И вот там народы живут... ну, всякие там. И есть там такие – удгейцы. У них шаманы – это как колдуны...

– Знаем, слышали! – перебил дядя Миша. – Ты по делу толкуй.

– А я про что? Шаманы, говорю. И вот я сам видел, в двадцать третьем годе: один шаман при мне костёр развёл, какое-то говно туда насыпал и давай в бубен бить, плясать, орать, как сукин сын. Весь трясётся. А потом два каких-то чёрта подскочили с ножами – вот такие ножи! – и давай это-го пырять.

– Как?! – Митяй чуть не подавился. – Этого шамана, что ли?

– Ну!

– Убили?!

– Как же! Хрен тебе – убили. Он как камень стал! Они его бьют, а ножи от него отскакивают. А он стоит, трясётся, рожу всю перекосило, со рта пена идёт, как с бешеной собаки. А эти бьют его. Со всех сил бьют! А ему хоть бы хрен... Во!.. Мне б кто такое Расскажи, да я б разве поверил? Да ни в жисть. А тут сам видел, своими глазами, во!

Корявым пальцем он ткнул себя в переносицу.

– Так и я ж про то! – подхватился Митяй. – А этот наш... упырь, или как его? Он-то, поди, похлеще того шамана будет! А вдруг его и пуля не возьмёт?

– Возьмёт, – уверил Степан. – А не возьмёт, так вот!

Из недр шинели он выудил круглый предмет и потряс им.

– Это чего? – Митяй вытаращил глаза.

– Граната! Английская, системы Миллса. Тоже ещё с Гражданской осталась. Бахнет – мать-перемать! Хоть пять упырей в куски...

– Тихо! – вдруг вскинул руку дядя Миша.

Болтуны смолкли.

– Чего, дядь Миш?.. – прошелестел Митяй.

Тот помолчал секунд пять, затем шепнул:

– Идёт!

Слух старого охотника различил движенье в тайге далеко отсюда. Митяй разинул было рот – продолжить свою мысль, но дядя Миша с силой треснул его по загривку, и мысль прервалась.

Все трое молча, напряжённо вслушивались. Но лишь старик – даже не слышал, нет! – скорее, угадывал в беспокойном шуме далёкие шаги. Он приложил палец к губам, и Степан с Митяем дружно закивали.

Дождь припустил сильнее. За разговором как-то не заметили, что он вновь начался, – да он и моросил едва-едва, а тут вдруг ливанул, что твой душ Шарко. И ветер засвистал надрывно и уныло, ветви закачались, замотались, тщетно отгоняя от себя какую-то напасть...

Теперь уже все трое знали, что *некто* идёт сюда.

Митяй вперился в сумерки, изо всех сил вглядываясь в невысокое, похожее на перевёрнутое ведро каменное соору-

жение левее и чуть ниже от них по склону. На мгновение у него мелькнула мысль, что вот-вот и вообще ничего не будет видно, и они не разглядят в потёмках ни черта... Но и эту мысль он додумать не успел: у самого «ведра» невесть откуда, как чёрт из-под земли, возникла приземистая человеческая фигура.

От внезапности Митяй чуть не вскрикнул, но в последний миг успел сладить с собой. Он лишь сильно сглотнул слюну и вздрогнул – и тут же рука дяди Миши дёрнула его за рукав.

Он жестом показал: молчу. А фигура замерла, будто почувяла неладное. Трое под ёлкой стали тише воды, ниже травы – даже холод, даже дождь словно исчезли для них, хотя они мало того, что не исчезли, они стали пуще, злее – они нарастали все эти последние месяцы, и вот завыло, застонало в лесу: какие-то силы, ещё скованные, но уже разбуженные, рвались сюда, на волю, в наш мир...

С такого расстояния, конечно, не увидеть, но Митяю почудилось, что фигура недвижимо стоит и смотрит именно сюда, на них. Он инстинктивно съёжился, ощутил, как за шиворот пролилась ледяная струйка. Сразу пересохло во рту.

Бог весть, что бы ещё почувствовал он, – да вдруг фигура сделала неуловимое движенье и...

И пропала!

Точно не было её.

– Нырнул! – крикнул Степан во всё горло. – Нырнул, сволочь!

Он вскочил – мокрая пола шинели хлестнула Митяя по лицу.

– Стой! Куда?! – страшным шёпотом рывкнул дядя Миша. Но было поздно.

Лихой вояка нёсся со всех ног по склону, шинель за спиной вздыбилась грязным серым парусом.

– Дурак! Ну, дурак! – Дядя Миша схватил карабин, рванул следом.

Митяй опешил, замешкался, но спохватился и пустился вдогонку.

Степан был уже у камня. Бежавшие сзади увидели, как он взмахнул правой рукой.

– Стой! – задыхаясь, крикнул дядя Миша. – Стой ты, олух царя небесного!

И тут, увы, старый охотник со своим советом опоздал.

Степан с силой швырнул гранату в круглую дыру, что посерединке «ведра», – в ту самую дыру, куда бесследно канул тёмный человек.

– Ложись! – дурным голосом гаркнул Степан и плюхнулся на мокрую землю.

– Ду... – начал было дядя Миша – и не закончил.

Да и никто бы не закончил.

Бабахнула граната Милса, не бабахнула – чёрт её знает. Видно, это уже не имело значения.

Земля дрогнула так, будто где-то в ужасной глубине повернулось гигантское чудище. Митяй споткнулся, чуть не

упал, от испуга взмахнул руками...

И этот испуг стал его последним земным впечатлением.

Мир исчез в никуда. На миг парню показалось, что он летит в бездонную дыру, он задохнулся, хотел крикнуть – но тьма хлынула со всех сторон и поглотила всё.

В каменной будке вспыхнул жуткий красный свет. Кровоозарив поляну, кроны елей, три недвижно распростёртых тела, он вдруг полыхнул на полнеба, и земля содрогнулась куда сильнее, чем в первый раз.

В Авзяново тревожно завыли собаки, замычали коровы, заржали лошади, заблеяла вся прочая живность. Послышались в тумане голоса, где-то суматошно мелькнул огонёк керосинки.

– Опять этот упырь проклятый! – резанул туман визгливый женский вопль.

Напуганные люди выбегали из домов. Что делать – никто не знал. Не знали и того, что *кто-то неведомый* уже решил за них, что им делать.

Каждый из людей и зверей пережил то, что минутой раньше довелось пережить троим охотникам на упыря. Мгновенный полёт, тьма – и всё. Безмолвие повисло над долиной.

Безмолвие – не значит тишина. Тишины не было. Непогода точно сошла с ума, забушевала с диким воем, свистом, ливень хлынул стеной, по замершим улицам побежали бурные реки грязной воды. А потом вода попёрла так, как быть не может ни при каком дожде. Она заливала дворы, сараи,

подступила к доскам крылец. Она кипела, словно кипяток, хотя была холодна, как кровь мертвеца. Минут через пять нижние ступеньки стали исчезать в мутной жиже...

К утру на месте бывшей деревни Авзяново расстилось огромное озеро.

* * *

Совершенно секретно

**Начальнику Специального управления НКВД
СССР**

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Настоящим докладываю, что на протяжении последнего месяца на территориях Башкирской АССР в районе деревень Авзяново и Метеля имели место быть события категории А по Специальному перечню № 334К/03ПЛ. Пик событий падает на ночь с 14 на 15 ноября сего года. В результате произошедшей природной катастрофы оказалась полностью затопленной деревня Авзяново. В настроениях местных жителей,

в частности в деревне Метеля, явно преобладают нездоровые суеверные настроения. В связи с вышеизложенным, вношу предложение: внедрить в деревне Метеля секретного сотрудника для постоянного наблюдения и контроля за умонастроениями местного населения, в котором все еще преобладает темный и отсталый элемент. Суеверным настроением могут воспользоваться враги Советской власти для проведения вредительской работы.

По предварительной разработке таким сотрудником мог бы стать фельдшер тов. Широков П. Ф., беспартийный, идейно выдержанный. Соответствующая беседа с ним проведена, задачи текущего момента им поняты правильно.

Начальник управления НКВД СССР
по Башкирской АССР _____

Резолюция на докладной записке: «Согласен. Оперативное имя – Доктор».

* * *

23 мая 1962 г.
Москва, Генеральный штаб
Вооружённых сил СССР

В маленькой комнате ярко горела сильная лампа, хотя за стенами этой комнаты во всю ширь и высь безмерно-голубого неба весело сиял горячий майский день.

Что совершенно естественно: день разливался за стенами, но не за окнами. Их в комнате отродясь не было, ибо это была не просто комната, а секретный кабинет – рабочее место одного из многих шифровальщиков центрального аппарата Министерства обороны и Генштаба СССР.

Шифровальщик этот – молодой красивый капитан, похожий на французского артиста Жана Маре – привычно-бегло писал карандашом в толстой тетради, каждый лист которой был прошит, пронумерован и проштампован особой печатью. Кроме тетради на рабочем столе капитана лежал лист бумаги, заполненный множеством цифр, символов математических и символов совсем загадочных, что в совокупности казалось нелепой абракадаброй – и конечно, было совсем не так. Хаотичная писанина являла собой сложный и эффективный шифр, одну из новинок криптографии. И уж разумеется, этот листок тоже был украшен синей печатью.

Капитан управлялся с текстом лихо, как учёный китаец с родными иероглифами. Оно и понятно: иначе б его здесь не держали. Можно сказать, что он работал автоматом, переводил каракули на русский, не вдумываясь в содержание. Собственно, многое из того, что ему доводилось шифровать и дешифровывать, так и оставалось непонятным – от него не

требовалось понимать. Он к этому привык, не испытывал ни малейшего комплекса неполноценности. Армия есть армия, а местом своим в Генштабе он дорожил, так как далось оно ему очень даже непросто.

Вот и сейчас он быстро переписал шифровку в тетрадь. Прочёл. Оторопел. Прочёл ещё раз.

Тёмные прямые брови приподнялись. Он потёр ладонью лоб.

– Вот те, бабушка, и Юрьев день... – пробормотал он вполголоса.

Стал читать уже с полным вниманием, вдумываясь в каждую строчку.

Иной раз сообщения попадались такие, что и после дешифровки казались чушью: вроде того, что Настя вышла замуж, что тётка Марья Петровна заболела, но, слава богу, выздоровела... Ясно, что это некая условная информация, понятная лишь посвящённым, и капитан не ломал попусту голову над такими глубокомысленными посланиями.

Но сейчас никакой околесицы в тексте не было, смысл явлен прямо и даже довольно грамотно. Только смысл этот был такой диковинный, какого капитану не приходилось встречать за все годы службы.

Однако пускаться в размышления не годилось. Шифрограмма начиналась с суровых слов «Чрезвычайно срочно!» – и за промедление с доставкой очень просто получить по шапке. То бишь по фуражке.

Капитан встал, подтянул галстук, накинул китель, мельком глянул в зеркало – порядок, всё в ажуре! – аккуратно вложил листок с тетрадкой в папку «Секретные документы» и вышел, перед тем выключив свет.

Кабинет он запер, опечатал, проверил, как заперто, – лишь после этого зашагал по длинному, ровно освещенному коридору. Идти было недалеко, ковровая дорожка глушила шаги: полминуты бесшумной ходьбы, и капитан без стука повернул ручку двери, ничем не отличающейся от десятков других дверей.

В маленькой приёмной за столом с множеством телефонов сидел светловолосый старший лейтенант. Брови его были сдвинуты, губы строго поджаты – сразу ясно, что человек с таким лицом должен заниматься выявлением имманентной персонализации трансцендентных сущностей, не меньше. На столе расстился свежий номер «Красной Звезды»: в нём старший лейтенант остро отточенным карандашом делал пометки, имеющие, надо полагать, стратегическое значение.

Капитан усмехнулся про себя. Гнать пургу служебного рвения – тонкое искусство, приходящее с годами. Желторотый старлей делал это очень уж топорно. Да и чего от него ждать – наверняка генеральский сынок, с юных лет протирающий штаны в министерстве... Дурак, равнодушно подумал капитан и лёгким кивком указал на внутреннюю дверь.

– У себя?

– Да, – старший лейтенант глянул без любопытства. – У

него там полковник Пи...

Не дослушав, капитан открыл дверь: шифровальщикам почти во все кабинеты вход свободный в любое время и при любых обстоятельствах.

– Разрешите, товарищ генерал? Чрезвычайно срочно!

Сидевший у генерала лысоватый кругленький полковник подхватился:

– А, ну так я пойду! Потом, да?

– Да, Сергей Васильич. Давай, я тебя позже вызову.

Полковник выкатился из кабинета, плотно притворил дверь.

Капитан звучно отпечатал три шага вперёд. Из папки выпорхнула тетрадь, раскрылась на нужной странице и легла на стол. Капитан сделал шаг назад. Правила игры он знал на ять.

Хозяин кабинета стал читать. Его моложавое лицо оставалось совершенно бесстрастным – капитан с тайным интересом следил за реакциями на этом лице, но ничего усмотреть не смог. За плечами у генерала была хорошая школа.

Этот штабной арбатский генерал был ничуть не похож на своих армейских коллег, сделанных из Уставов, орущей медной глотки и толстого брюха. Если б не форма, его вполне можно было бы принять за моложавого светского льва, всегдашая любой модной вечеринки от Милана до Лос-Анджелеса – у таких людей вправду не бывает возраста: от тридцати пяти до шестидесяти, всё едино. И выражения лица другого не бывает: холодноватая отстранённая любезность и боль-

ше ничего... Одним лишь, пожалуй, иногда отличался этот холёный облик: лёгкой усталой иронией человека, много повидавшего, давным-давно ничему не удивляющегося и ожидающего от этой жизни того только, что ожидать от неё нечего.

Прочитав, генерал зачем-то перевернул страницу, убедился, что она пуста, но обратно перевёртывать не стал, придержал пальцем. Несколько секунд он сидел недвижим, затем вскинул голову, глянул капитану прямо в глаза.

Тот спокойно выдержал этот взгляд.

Генерал чуть прищурился.

– Интересно? – спросил он.

– Вы... имеете в виду данный текст? – вежливо переспросил капитан.

– Имею, – сказал генерал так, что непонятно – шутит или нет.

– Никак нет, – пустым голосом ответил капитан. – Не имею привычки. Служба!

Подумал, что про службу ляпнул зря, – но слово не воробей.

– Верно. – генерал улыбнулся одним уголком рта. – А слово Зираткуль что значит – знаешь?

– Никак нет.

– Мёртвое озеро, – перевёл генерал. – Вернее, кладбищенское. Озеро-кладбище, так сказать... Романтично?

– Не очень.

Генерал коротко рассмеялся.

– И это верно... Ну, словом, материал остаётся у меня вплоть до дальнейших распоряжений.

– Есть!

– Свободны, капитан.

Тот сделал чёткий поворот через левое плечо, шагнул к двери. Взялся за ручку – и тут сзади окликнули:

– Одну секунду!

Офицер повернулся. Генерал смотрел твёрдо, без шуток-прибауток.

– Я надеюсь, капитан, что вы всё правильно поняли. Вот это, – краткое движение глаз в сторону тетради, – вам надо забыть. Для вашего же блага.

– Так точно, товарищ генерал-майор. – Капитан подчеркнул «майором» официальность ответа.

– Очень рад. Засим – не смею задерживать.

Капитан щёлкнул каблуками и вышел.

Привычным движением генерал завёл руку за спину, вынул из висевшего на кресле кителя пачку «Лаки Страйк», вытряхнул одну сигарету, покатал в пальцах. Задумался. Потом нажал кнопку сбоку стола.

Предстал блондин-старлей.

– Меня ни для кого нет, – объявил генерал.

Адъютант молча кивнул. Генерал посмотрел на него и добавил:

– Кроме экстренных случаев, конечно.

Оставшись один, он закурил. Несколько первых затяжек сжёг в полную силу, захлёбываясь едким дымом. Морщась от горечи, сплюнул в пепельницу, стряхнул столбик пепла, затаился долгим вдохом и взялся перечитывать текст.

Вот он:

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!

**ВО ИСПОЛНЕНИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ _____ (пун-
танный номер с дробями генерал пропустил) ДОКЛАДЫ-
ВАЮ: НАЧИНАЯ С 22 ЧАСОВ 35 МИНУТ 22 МАЯ СЕГО
ГОДА В РАЙОНЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО НАХОЖДЕНИЯ
ОЗЕРА ЗИРАТКУЛЬ НАБЛЮДАЛСЯ РЕЗКИЙ ВСПЛЕСК
АНОМАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ, СОПРОВОЖДАВШИЙ-
СЯ БУРНЫМИ АТМОСФЕРНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ, КАК-
ТО: ШТОРМОВЫМ ВЕТРОМ, ЛИВНЕМ, ГРАДОМ, ЗНА-
ЧИТЕЛЬНЫМИ ПЕРЕПАДАМИ АТМОСФЕРНОГО ДАВ-
ЛЕНИЯ. ТАКЖЕ ДОКЛАДЫВАЮ, ЧТО С ПОЛУЧЕНИ-
ЕМ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ТРЕВОГЕ БЫ-
ЛА ПОДНЯТА И НАПРАВЛЕНА В РАЙОН ПРОИСШЕ-
СТВИЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ГРУППА В СОСТАВЕ КАПИ-
ТАНА ЛАТНИКОВА, СТАРШИНЫ БОНДАРЕНКО, СЕР-
ЖАНТОВ _____. ЯДОВЫХ _____ (на сержантов и ря-
довых генералу тоже было плевать). ВЫЙДЯ НА ЗАДАН-**

НУЮ ТОЧКУ, ГРУППА УГЛУБИЛАСЬ В ЛЕС, ПОДДЕРЖИВАЯ ПОСТОЯННЫЙ РАДИООБМЕН С БАЗОЙ. ПРИМЕРНО В 05 ЧАСОВ 43 МИНУТЫ 23 МАЯ РАДИОСВЯЗЬ С ГРУППОЙ ПРЕРВАЛАСЬ И ВОЗОБНОВИТЬ ЕЕ НЕ УДАЛОСЬ. ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОИСК С ПРИМЕНЕНИЕМ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ РЕЗУЛЬТАТОВ НЕ ДАЛ, И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГРУППЫ, РАВНО КАК И ОЗЕРА ЗИРАТКУЛЬ, ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ. ПРИБОРЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПРИ ШТАБЕ УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ПРОДОЛЖАЮТ ФИКСИРОВАТЬ ЯВНО ВЫРАЖЕННЫЙ АНОМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ДАННОГО ЯВЛЕНИЯ, ЧТО ПОЗВОЛЯЕТ КЛАССИФИЦИРОВАТЬ ЕГО КАК ПОДПАДАЮЩЕЕ ПОД ДЕЙСТВИЕ ПРОГРАММЫ «СЕДЬМОЕ НЕБО».

Последняя затяжка – самый смак, и генерал, щурясь, спалил сигарету до самого фильтра, густо выдохнул и растёр окурки в пепельнице. Затем вынул из стола красную папку, из нее – листок бумаги с фиолетовым штампом и телетайпным текстом без знаков препинания. Текст этот был генералу хорошо знаком, но все-таки он счел нужным перечитать еще раз.

ПО СООБЩЕНИЮ АГЕНТА «ДОКТОР» В РАЙОНЕ ДЕРЕВНИ МЕТЕЛЯ И НЕИЗВЕСТНОГО ОЗЕРА ЗИРАТ-

КУЛЬ НАЧИНАЯ С ПЕРВЫХ ЧИСЕЛ МАЯ СЕГО ГОДА
НАБЛЮДАЮТСЯ АНОМАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАТЕГО-
РИИ «С» УЧИТЫВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОБЪЕКТА
ЗИРАТКУЛЬ ПРОЕКТУ «СЕДЬМОЕ НЕБО» СПЕЦОТДЕЛ
УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА СЧИТАЕТ СВОЕ-
ВРЕМЕННЫМ ПРОВЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ПРО-
ВЕРКУ БЛИЗЛЕЖАЩЕЙ МЕСТНОСТИ СОБСТВЕННЫ-
МИ СИЛАМИ ПРОСИМ НА ТО ВАШЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

– Проверку? – пробормотал генерал. – Проверятьщики
х... – и вставил непечатное прилагательное.

Через секунду он уже держал в руке трубку чёрного теле-
фона без номерного диска. Зуммер зазвучал сам собой. На
третьем сигнале трубку на том конце провода сняли.

– Да! – рыкнул властный, грубый бас.

– Товарищ генерал-полковник...

* * *

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР № 00****

29 мая 1962 года, г. Москва

Командующим родами войск, командующим военными округами, командующим флотами, командующим группами войск.

Настоящим довожу до вашего сведения, что 6-25 мая сего года на территории Уральского военного округа, в предполагаемом районе нахождения озера Зираткуль. наблюдалась вспышка аномальной активности, по масштабам сравнимая с событиями октября 1936 года, имевшими место в том же районе. Оперативные мероприятия, осуществлённые незамедлительно по получении достоверных данных, результата не дали. Связь со специальной группой прервалась утром 23 мая и по настоящее время не восстановлена. Местонахождение группы остаётся неизвестным.

В связи с вышеизложенным приказываю:

1. Сформировать в непосредственной близости от района аномалий воинскую часть, основной задачей которой является контроль и оперативное реагирование на проявления аномальной активности невыясненного характера.

2. В целях обеспечения режима секретности данная часть должна представлять собой объект Ракетных войск стратегического назначения. Об истинном предназначении части должны быть осведомлены исключительно её командир и начальник особого отдела.....

Дальнейшее несущественно.

* * *

8 сентября 1984 г.

Южный Урал, Башкирская АССР

Командир воинской части № 52205 – высокий, худощавый подполковник – посмотрел на циферблат и решил, что на сегодня хватит. Двадцать часов двенадцать минут.

Только что подполковник выслушал доклад дежурного по части, из коего явствовало: на территории всё обстоит благополучно, за исключением того, что начальник технического склада прапорщик Дудаков втихаря нажрался казённого

спирта, в данный момент пребывает в состоянии полного недоумения на одном из стеллажей своего склада, и привести его в какой-то более или менее вразумительный вид не представляется возможным.

Прапорщик Дудаков являл собой редкий случай в этой дивной касте военнослужащих: за пятнадцать лет службы он не украл и не потерял ни одного винтика, ни одной канцелярской скрепки, на складе и в документации у него царил идеальный порядок. Что же касается спирта, то, очевидно, прапорщик воспринимал его не как материальную, но как духовную ценность. Но и её он не украл ни грамма за эти пятнадцать лет! Всё добросовестно потреблялось им на территории части. За недостачу не волновался: знал, что начальство его ценит и в любом случае покроет.

Новостью это не было, потому подполковник выслушал спокойно, кивнул и распорядился так:

– Запереть паразита! Сообщите жене, что живой. А как проснётся, не открывать, опохмелиться не давать. Будем воспитывать.

– У него там наверняка зачка есть, – грустно сказал лейтенант, дежурный по части.

– Ну чёрт с ним, всё равно пусть сидит.

И вот теперь, кажется, можно идти домой.

Командир запер кабинет, стал спускаться по лестнице. От какого-то неловкого движения кольнуло в животе, подполковник pokrивился: проклятый гастрит! Так и не удалось за-

лечить.

Идя по коридору, он с горечью думал о том, что по-настоящему лечиться некогда, даже в отпуске; а этот чёртов гастрит того и гляди перерастёт в язву, и как тогда быть?.. Да как! Никак. Кому, на хрен, нужен полковник, а тем паче генерал с язвой желудка! Да ещё на такой службе...

На выходе дневальный вскинулся, засуетился:

– Здравия желаю, товарищ подполковник!

– Здрав, – ответно буркнул командир. – Все ушли?

– Никак нет, товарищ подполковник! Начальник особого отдела у себя.

Ничего странного. Особист большую часть служебного времени проводил в кабинете и частенько задерживался по вечерам. Командир секунду поколебался...

– Зайду к нему, – решил он вслух.

Особый отдел находился, разумеется, в самом дальнем и тёмном углу штаба. Полы там были страшно скрипучие: чтобы даже через дверь было слышно, что по коридору кто-то идёт.

Подполковнику таиться не было нужды, он прогрохотал по доскам точно рота почётного караула, и не успел стукнуть в обитую железом дверь, как та распахнулась.

Командир хотел было пошутить насчёт особого чутья особистов, но все шутки мигом замерли на языке, когда он увидел лицо товарища по службе.

– Заходи, – чуть заплетающимся языком выговорил капи-

тан и пропустил командира к себе.

Впрочем, ничего капитанского сейчас в особисте не было. Расстёгнутый воротник, рубашка без погон, скособоченный галстук, светлые волосы растрёпаны, глаза воспалены... «Пьян», – понял командир и как-то сразу понял, отчего тот пьян.

И это понимание накрыло подполковника такой тёмной, глухой и беспросветной тоской, от которой никакого спасения, и никакая водка, никакой коньяк...

– Понял, значит, – хмельно усмехнулся капитан.

– Чего ж не понять, – подполковник присел к столу, снял фуражку. – Сведения точные?

Вопрос пустой, и командир сам это знал. Спросил от тоски. Капитан тоже знал это, он усмехнулся вторично.

– Вчера запросил лабораторию. – Он сел. – Сегодня получил ответ. Предположения мои, узы, подтвердились.

– «Седьмое небо»?

– Да.

На несколько секунд повисла пауза. Командир взял из письменного прибора карандаш, стал бессмысленно вертеть его в пальцах.

– Выпьешь? – запросто предложил особист.

– Нет. – Подполковник мотнул головой. – Гастрит, зараза... Обострение, что ли.

– А-а, – с сочувствием протянул капитан. – А я смотрю, что-то ты похудел. Заметно.

– Ну а с чего жиреть-то! – с неожиданной злобой сказал командир. – То нельзя, это нельзя... Одни каши жру, как младенец какой сраный... чтоб его!

Карандаш громко хрустнул. Командир удивлённо посмотрел на обломки, понял, что сломал хрупкий предмет и устыдился.

– Извини. – Он бросил обломки в урну.

– Да чего там. – Особист махнул рукой. – Ясно всё... Ну а я тогда, с твоего позволения...

– Давай.

Капитан вынул из сейфа бутылку, стакан, налил.

– Ух-х, – выдохнул он. – Хотелось бы сказать, да нечего...

И запрокинул стакан.

После этого он долго нюхал корку чёрного хлеба, глаза покраснели. Подполковник же стал смотреть на голую стену, потекли вялые мысли о том, что, может, удастся слинять в госпиталь, там отлежаться, благо повод есть...

– Что ты предпринял? – спросил он, не глядя на капитана.

– Что и всегда, – ответил скучный голос. – Сообщил своему начальству. Теперь, думаю, надо ждать варягов.

– Замаскированных?

– Ну конечно.

– Ясно. Всё на этом?

– А что ещё остаётся?..

– М-да, – Подполковник взглянул на капитана. – Не пей больше. Заметно.

– Знаю. – Капитан откусил полкорки. – А почему ты спросил: всё, мол, на этом?

– А что, не всё?

Капитан пожал плечами.

– Да нет, всё, – и увёл взгляд.

Командир не пожелал знать, чего там темнит особист. И без того тошно.

– Ладно, – сказал он. – Закрывай свою лавочку, и идём по домам.

ГЛАВА 2

...Этому не было названия. Можно сказать, что это было невыразимо прекрасно. Теплый, неуловимый для глаз свет, куда более нежный и утонченный, чем солнечный, – он сам был целым миром, бесконечным и безграничным. И оттого, что он есть, сердце обмирало и хотелось плакать от счастья...

Впрочем, какое-то название все же было. Правда, оно никак не вспоминалось. Что-то очень знакомое, много раз слышанное и читанное, оно крутилось, крутилось рядом, но так и не вспоминалось. А кроме того, в этот дивный и счастливый свет вкралось какое-то недоразумение. Что-то стало не так в чудесной бесконечности, а что – никак не угадывалось, только раздражало.... Но вот зазвучало отчетливее и наконец оформилось в дребезжание, издалека идущее сюда, ближе, ближе....

Егор проснулся.

И понял, что это звонит телефон.

Он понял это ещё с закрытыми глазами. Открыл – и увидел знакомый потолок над собой. «Побелить бы...» – рассеянно подумал он.

Телефон упорно звонил. Егор протянул руку, взял трубку: – Слушаю, – сказал хриловатым со сна голосом.

– Дрыхнешь долго, князь! – радостно заорали на другом конце провода.

Это был Пашка Забелин – старый, еще со школы, друг.

Прокашливаясь, Егор покосился на часы. Будильник показывал 8.20.

– Пусть пролетарии встают с зарей, – ответил он.

Пашка там, у себя, громко захохотал:

– Кто рано встает, тому Бог подает! А ты, блин, так все на свете проспишь.

– Все не проспю, – буркнул Егор. – Ладно, ты чего в такую рань трезвонишь, война началась?

– Ну, скажем, не война, а поход! Труба зовет! Трум-турум-турум!

– Слушай, трубадур, – сказал Егор с неудовольствием. – Ты опять за свое. Я же тебе сто раз говорил...

– Э, нет, нет! – Пашка даже слушать не захотел. – Это я тебе сто раз говорил, что я тебя, байбака, из твоей норы вытащу, и я вытащу...

Егор ожесточенно заспорил, но попытка переговорить Пашку оказалась бесполезной. Он какое-то время пытался пререкаться, потом понял, что ничего из этого не выйдет, плюнул – и рявкнул в трубку:

– Ладно, черт с тобой!

– А! – Пашка ничуть не обиделся. – Значит, согласен?

– Хрен с тобой, согласен.

– Ну вот, слышу слова не мальчика, но мужа. Теперь можно к делу переходить. Слушай сюда, даю вводную...

И дал. Подробно перечислил все необходимое, затем за-

ставил повторить. Егор вновь обложил настырного благодетеля последними словами, но Пашку пронять этим было невозможно, и он отстал лишь после того, как убедился, что дружок его все усвоил.

– Ну вот, я вижу, рядовой, что вы начинаете стараться, – похвалил он. – Вольно, расслабиться... Значит, все по плану, ровно в семнадцать ноль-ноль я у тебя. Будь готов! Ну, все, князь, отбой!

Егор только вздохнул, положив трубку.

Почему Пашка называл его Егором, понятно: Егор, Георгий, Юрий, Жора – всё это варианты одного и того же имени. С князем тоже дело простое – от фамилии. Георгий Сергеевич Княженцев, просим любить и жаловать. Дело же, из-за которого он был разбужен в такую рань, состояло в следующем: Павел Забелин был ярым туристом, настолько ярим, что просто не понимал, как это можно быть равнодушным к путешествиям. Георгия же почти невозможно было вытащить даже на дачу. Пашка давно грозился, что, дескать, когда-нибудь он обязательно приобщит Княженцева к «экстремальному отдыху», Егор несколько сезонов успешно отбрыкивался, но вот этим летом Пашка решительно заявил, что уж теперь-то Жорке не отвертеться, и никуда он не денется, и пойдет в поход как миленький... Егор прибегнул к своим обычным аргументам.

– Слушай, – говорил он, кривясь для убедительности, – я же помню эти вылазки на природу, когда студентами были!

Самые сильные впечатления оттуда: сушняк, головная боль и полный рот нечищенных зубов. И потом на электричке трясешься вот с такой, – он широко разводил руки в стороны, – башкой...

Пашка все это уверенно опровергал.

– Ерунда! Зубы можешь чистить сколько влезет, щетка и паста много места не займут. Пить тебя никто не заставляет: хочешь – пей, хочешь – сиди трезвый, как дурак. Да с таким воздухом, как там, никакого похмелья и не будет! Ах, Жорка, да ты, городской червяк, себе и представить не можешь, какой там воздух! Бальзам! Амброзия!

На червяка Егор Княженцев никак не походил. Мужик он был крепкий, широкоплечий, за здоровьем своим следил, не курил, выпивал очень умеренно, два раза в неделю ходил в спортзал. Насчет червяка – это Забелин в полемическом задоре, конечно, перегнул. И тем не менее своим напором он добился того, что Егор все-таки начал колебаться. Он начал давать уклончивые ответы, а Пашка тут же почуял слабинку и с удвоенной энергией наехал на приятеля. Тот мялся, мялся, тянул время... Так протянул почти весь июнь. И вот в одно прекрасное утро Пашка, видимо, решил, что хватит крутить, и взял Княженцева за жабры, огорошив его тем, что, мол, к вечеру собираемся и едем, и никаких гвоздей.

Между прочим, насчет прекрасного утра – вовсе не метафора, оно действительно было прекрасным. Егор, встав с кровати, долго стоял у окна, глядел в высокое, голубое-голу-

бое небо. Потом улыбнулся и решительно пошел бриться.

Сделать предстояло много. Инструктаж Забелин провел обширный.

– Значит, так, – диктовал он. – Форма одежды самая го-
венная. Джинсы какие-нибудь старенькие напяль, кроссовки
или кеды такие же, футболка, куртка. Ну и что-нибудь теп-
лое и непромокаемое, это обязательно. Сапоги резиновые...

– У меня в кладовке где-то плащ-палатка армейская долж-
на быть, – вспомнил Егор. – Такая, знаешь, с капюшоном,
типа брезентовой.

– Гут! – одобрил Пашка. – Отлично, самое то. Бери. Потом
соль, спички охотничьи возьми. Фонарь... ну нет, фонарь не
надо, сам возьму. Ладно, теперь о продуктах...

И вот теперь, зайдя на кухню, Егор поставил на плиту чай-
ник и, пока тот грелся, написал на бумажке список продук-
тов. Список получился внушительный.

Н-да... – подумал он с некоторым даже удивлением.
Несмотря на свои занятия спортом, просто так таскать тя-
жести он не любил. Однако, что же делать, влип так влип...
Позавтракав, Княженцев взял деньги, хозяйственную сумку
и поперся в ближайший магазин.

* * *

Магазин «24 ЧАСА» находился во дворе, в двух шагах от дома. Георгий был там постоянным покупателем, все продавщицы его знали. Сегодняшняя, тетя Рая, низенькая толстушка средних лет, работала недавно, но с Княженцевым у нее отношения успели сложиться почти приятельские.

– Здравия желаю, красотка тетя Рая! – с ходу сочинил Егор и засмеялся, очень довольный своим остроумием.

– Здорово, студент, – немедля откликнулась продавщица.

– Я – аспирант, – с назиданием в голосе сказал Георгий.

– Ну, это все едино, – отмахнулась она.

Георгий, понятно, не стал объяснять ей разницу – один черт, не поймет.

– Ладно, – сказал он и вынул из кармана список. – Ну, тетя Рая, готовься. Сейчас я тебе половину дневной выручки сделаю...

И начал закуп. Пять банок тушенки. Три пачки макарон. Хлеб. Сухари. Чай, перец, соль, спички...

– А охотничьи спички есть?

– Это толстые такие? Есть, вот.

– Ну, тетя Рая, у тебя прямо-таки универсам!.. Давай. Так, еще вот кофе в пакетиках тоже давай, пригодится.

– Пожалуйста... А ты что это, в турпоход куда-то собрался?

– Точно, тетя Рая. В поход... Правда, не любитель я таких дел, да друзья уговорили. Сплаваются по реке.

– На плотах, что ль?

– Нет, до плотов, слава богу, дело не дошло. На резиновых лодках. Небольшая компания, четыре человека... Так, что он там еще мне говорил?.. Сгущенка. Давай одну банку.

– На... А куда идете?

– Куда?.. Еще овощные консервы... Река Кара-су! Слышала о такой?

– А то! Я ж сама, можно сказать, оттуда родом. Ну, недалеко.

– Ну, вот видишь. Можешь передать привет своей малой родине.

– Ладно, передам... – Тетя Рая городского юмора не понимала. – Так вы хотите там сверху плыть по течению, а потом сюда?

– Именно так. Именно, именно... М-м, овощные консервы...

Тетя Рая что-то замолчала. Егор поднял взгляд и увидел, что она внимательно смотрит на него маленькими своими круглыми глазками.

– Ну, тетя Рая? Прием, седьмой на связи!

Тетя Рая очнулась и моргнула.

– Чего ты говоришь? Овощные консервы?.. Вот есть фасоль в томате, болгарская. Бери, не пожалеешь. В походе первая вещь.

– А-а, отлично! Где, покажи-ка... Ага. Давай четыре банки.

Расплатившись, Егор сгрузил все добро в пакет, уважи-

тельно покачал его на весу:

– Солидно!.. Ну да своя ноша не тянет. Верно?

– Ага... – протянула тетя Рая с какой-то странной интонацией.

Егор уже произнес, было «До...», намереваясь попроситься, как она перебила его:

– Слушай-ка, – и пожевала губами. – Я тебе... может, оно и не надо бы напоследок... Но на всякий случай скажу.

И замолчала, выжидающе глядя на путешественника.

– Ну, тетя Рая? Сказала «А», не будь, как «Б».

Продавщица нерешительно pokrхтела.

– Да оно может и ничего... Так, глупости. Но все-таки... У нас там про эту Кара-су, да еще про озеро одно всякие такие темные слухи ходили.

– То есть?

– Ну, то есть, будто там нечисто что-то. Проклятое место. Люди там часто пропадают, и вообще...

– Что вообще? Там течение сильное?

– Да нет. – Тетя Рая поморщилась досадливо. – Не в течении дело. Я же тебе русским языком объясняю: проклятое место, всё там не так, как надо. Непонятные события происходят.

– Ах, вот что, – Егор понял. – Аномальная зона?

– При чём тут аномальная зона? Я тебе уже третий раз говорю – проклятое место! Ты чё, русского языка-то не понимаешь? Так я других-то не знаю!

– А кто проклял-то?

– Ну, а я знаю? Да и никто не знает толком... Я только помню, что в детстве в деревне у нас болтали: мол, как будто леший водит или водяной там. Пойдешь и можешь не вернуться... Когда-то, говорят, там, до войны ещё, деревня под воду ушла.

– Что значит – ушла?

– Да я не знаю толком. Вроде как случилось что-то... Была деревня Авзяново, стало озеро Зираткуль. Да ты в голову-то не бери. Просто там, в лесу, конечно, поосторожнее надо быть. Лес, он такой...

– Буду, – пообещал Княженцев и закинул сумку с продуктами за спину. – А аномалии эти привнесут в наше путешествие некую остроту... Ладно! Прости-прощай, подруга Рая, мы оба изгнаны из рая!..

Имечко продавщицы ни с того ни с сего оказалось для него поэтическим кладезем. Егор развеселился, шагая домой, припомнил и прочие шедевры:

– Приятно, ежели клиенты вежливы, сказала Рая, вся играя, Лева-фраер так и тает перед ней... Держась за жопу, как за ручку от трамвая, он ей шептал: пошире ножки, Рая!..

Это привело его в хорошее настроение. Посмеиваясь, он лихо взбежал к себе на четвертый этаж, энергично хлопнул дверью, сумку закинул на кухню, а сам полез в кладовку в поисках походной амуниции.

Он и сам не заметил, как целый час прошел, пока он рыл-

ся в кладовке и шкафу. Но делал он это не зря, в итоге нашел и плащ-палатку, и отличный теплый свитер, и резиновые сапоги... словом, к походу он был теперь готов, как пионер.

Аккуратно уложив все в рюкзак и запаковав его, он остался очень доволен собой, вымыл руки и решил позвонить Пашке, доложиться. Только подумал – и телефон задребезжал, точно управлялся мыслью хозяина, потому что звонил сам Пашка.

* * *

– Привет еще раз, – поздоровался он как-то наспех, озабоченно. – Собираешься?

– Как вещей Олег, – отрапортовал Егор. – В сущности, уже собрался.

– Хорошо. – Павел вздохнул. – Но ты все-таки разок еще проверься, припомни то, се...

– Сделаем. – Егор чуть удивился: – Да ведь время-то есть? Или какие-то изменения в планах?

– Да не особо, – запнулся Пашка. – Ничего такого... В смысле, как намечалось.

– Так, – сказал Егор. – А что все-таки изменилось?

– Да понимаешь, – в голосе Павла просквозило раздражение, – этот вахлак, Виталька... Мы уж все договорились,

едем вчетвером: Аркашка, ты, я и он. И вот он, понимаешь, звонит сейчас. Еще какого-то хрена с собой позвал! Пятое колесо, мать твою... И главное, никто этого типа знать не знает – какой-то его приятель, чтоб ему пусто было!

Теперь раздражение Павла явно выплеснулось наружу, и Егор его несколько урезонил:

– Но слушай, ведь меня точно также никто не знает – ты меня вашей группе навязал. Почему же этот твой Виталья не имеет права взять своего знакомого?.. Кстати, – тут он ожил, – может вы этого новенького и усыновите, а мне дашь отставку? Вот тебе и четверо...

– Ни-ни-ни! – даже слушать не стал Павел, поди, и руками там, у себя, замахал. – Об этом и думать не моги! Поплывешь как миленький. И, между прочим, тебя я навязал давно, это все давно обговорили, разжевали и согласились. А тут он звонит в день отправления... ну и, слов нет. Это ведь не прогулка по парку. Такой может быть театр драмы имени комедии!..

– Я и говорю – откажись от меня, – терпеливо повторил Егор.

– Ну уж теперь нет! Слушай, князь, хватит, закрыли тему. Всё, впятером так впятером, пусть этот Виталькин Семён хренов плывет, не помрем от него.

– Это новенький – Семён?

– Ну, язви его.

– Будённый? – Егор улыбнулся.

– Мудённый!.. Ну, Виталька, впендюрил подкидыша, чтоб ему...

– Ладно, ладно тебе, будет! – смеясь, остудил друга Егор.
– Ты еще человека и в глаза не видел, а уже сгрызть его готов до тапочек. А вдруг он в лесу как у себя дома? Может, он вам с Аркадием фору даст в сто очков? А?..

Пашка действительно примолк, затем сказал:

– Ладно, увидим – поживем.

– Наоборот.

– Чего наоборот?

– Сначала поживем, потом увидим.

– Ну это без разницы. Ладно, все. Значит, еще разок проверься, особенно мелочи... Да, постарайся пообедать сытно, калорийно. Калории пригодятся, следующий раз пожрем нескоро. Ну, до связи, отбой!

– Тогда уж до встречи, – поправил Егор и повесил трубку.

* * *

С Пашкой он учился вместе в школе, в одном классе. Нельзя сказать, что тогда они были такими уж друзьями; просто товарищи, – но почему-то за годы, многие уже годы, прошедшие после школы, судьба свела в дружбу именно их двоих. Егор за это время закончил философский факультет

университета, после чего несколько лет валял дурака, пытался заниматься бизнесом, в конце концов понял, что это не для него, вернулся в альма-матер, сдал экзамены в аспирантуру и вот уже третий год писал диссертацию, параллельно с этим подрабатывая везде, где только успевал. Павел же по выходе из школы поступил в военное училище, потом служил, мотало его по всей стране... Много он чинов-орденов не выслужил, а к тому же и семейная жизнь не срослась: женошке его осточертело колесить по захудалым гарнизонам, и в один ненастный осенний день она сама, «плащом прикрывши пол-лица», укатила в неизвестном направлении.

Павел, впрочем, особо не горевал; выйдя в отставку, он вернулся в родной город, устроился в службу безопасности только-только образовавшегося коммерческого банка и, как оказалось, не прогадал.

Им обоим повезло – и банку, и Павлу Забелину, который был сначала зам начальника службы безопасности, а вскоре сделался и начальником этой самой службы. Банк здорово поднялся, стал хотя и не первым в городе, но все же одним из самых солидных. Пашка купил себе неплохую квартиру, женился вторично, без большой любви, но на женщине хозяйственной и спокойной. Жил, в общем, припеваючи, по отпускам страстно предаваясь своему хобби – путешествиям по таинственным таежным уральским дебрям. На этой почве он и сдружился с сослуживцем из отдела информационного обеспечения, программистом Аркадием Кауфманом, а

прошлым летом, путешествуя в каких-то чащобах, они на-
рвались на группу заблудившихся горе-туристов, можно ска-
зать, спасли их. Один из этой группы, Виталий Обносков,
привязался к ним – он сам оказался горячим любителем экс-
тремального туризма, а Аркадий с Павлом, понятно, были
куда более надежными партнерами, чем неумехи, едва не
сгинувшие в чащобах по собственной дурости... Словом,
прилип к ним Обносков – на следующее лето пойду с вами,
и все тут.

Честно сказать, ни тот ни другой большого восторга от та-
кого подспорья не испытали. Но и противиться им тоже бы-
ло неловко, а Виталий к тому же оказался мелким предпри-
нимателем: он перешел на обслуживание в их банк, стал по-
стоянным посетителем... ну и, словом...

Ну и, словом, когда ровно в пять, с военной точностью Па-
вел на своей «тойоте-камри» подъехал к парадному Егора,
тот уже ожидал соратника во дворе, сидя на лавочке, полно-
стью собранный, походно одетый и морально настроенный.

– Молоток! – одобрил Пашка амуницию приятеля. – Да-
вай, грузи рюкзак, и поехали.

Поехали. В дороге Павел объяснил, что Аркадий с Вита-
лием должны прибыть на машине программиста – авто оста-
нутся ждать хозяев на платной стоянке.

– А Семен?

– А шут его знает. Может, с ними подъедет, может сам
явится. Меня это, понимаешь, меньше всего тревожит...

Тут Павел прервался, помолчал, подумал о чем-то и сказал:

– У Аркана палатка здоровая и лодка тоже трехместная, немецкая. Вот пусть он с ними и кантуется. А мы с тобой вдвоем. Так, товарищ рядовой?

– Как прикажете, господин фельдмаршал. Да только зря ты на этого Семена так взъелся.

– Да не на него я, а на Виталия. Ну так же не делается! Он для нас с Аркашкой сам, можно сказать, балласт – мы ведь его не звали, не просили. Сам навязался. Ну ладно, навязался так навязался, что же теперь делать... А он еще – вот те нате, пень в томате!

– Так ведь и с этим теперь ничего уже не сделать.

– Я понимаю!.. Но все равно – долбак, другого слова не найду. Нет, в первый и последний раз я с ним иду, с этим чувырлом. А потом... А, мать твою, козел, ты где права купил, дебил?!.

И неудовольствие Забелина матерным потоком вылилось на водителя, имевшего дерзость ехать по правому ряду в тот момент, когда начальнику службы безопасности вздумалось повернуть именно туда.

Княженцев только посмеивался, слушая бронебойное армейское остроумие... Так и доехали до вокзала, вернее до его платной автостоянки.

– О, Аркан здесь уже, – одобрительно заметил Пашка. – Вон его белая «десятка» стоит.

Они заехали на площадку, припарковались и вышли из машины. Павел закрутил головой, ища взглядом компанию – и где-то в суетящейся, галдящей и нервной толпе ему в ответ махнула длинная мужская рука в сером рукаве.

– О! – вскричал Забелин обрадованно. – Вон они! Давай, князь, разгружаемся да айда к ним. Давай живей.

Явился флегматичный малый, служащий стоянки.

– Давай, князь, – нетерпеливо повторил Павел и повернулся к малому: – Так, начальник, слушай сюда. Машину оставляю на неделю... – И пока Княженцев вытаскивал барахло из багажника и с заднего сиденья, договорился, расплатился и еще сунул малому на чай. – Пошли! – И они, навьючившись, побрели к пригородным кассам.

* * *

Слева от входа стояли трое в походной одежде, рядом с ними было составлено имущество.

– Ну, вот и мы! – бодрым тоном доложил Павел, скидывая со спины рюкзак. – Прошу знакомиться: мой друг Жора. То есть Егор Княженцев.

– Наслышан, – улыбнулся высокий блондин в легкой серой ветровке. – Аркадий.

– Тоже наслышан, – в ответ улыбнулся Егор, и они пожали

друг другу руки.

Рукопожатие Аркадия было в меру крепким, ладонь сухая и теплая.

– Ну, это Виталя, – без уважения представил Пашка следующего.

У того большой козырек бейсбольной кепки скрывал почти все лицо, так что лица его Егор и не разглядел. Сам же Виталя был низенький, полноватый, в джинсовом костюме.

– А вот, надо полагать, и Семен? – спросил Забелин, протягивая руку третьему.

– Я самый, – мягким глуховатым тенорком ответил тот третий и сделал шаг навстречу Павлу.

Взгляд Егора бегло скользнул по этому человеку. Ну, каков он?.. Да никакой. Никакой, и все тут. Раз взглянешь – и навсегда забудешь. Среднего роста, шатен, спокойное лицо, волосы спереди чуть начали редеть. На вид – ровесник Павла и Егора, малость за тридцать.

И рукопожатие никакое, будто резиновую ладонь тиснул Княженцев. Поздоровавшись, Семен собрался было ступать, но Забелин не дал ему отступить.

– Э-э, одну минуточку, – протянул Пашка каким-то диковинным, совершенно не его, снобистским тоном – таким, наверно, барин должен подзывать лакея: «Э-э, поди-ка сюда, любезный...» – Так вот, этим тоном Пашка высокомерно поинтересовался: – Скажите, Семен, вы... э-э... вообще знакомы со спецификой туризма?

– Случалось, – с готовностью ответил Семен. – Не скажу, что так уж, но в походе бывал.

– Да ходил он, ходил, – нетерпеливо встрял Виталий. – Он мне вот вчера случайно позвонил...

– Я, товарищ рядовой, не с вами говорю, – обрезал Павел, будто в шутку, но в голосе его прозвучали металлические нотки. – Чуете? Если хотите говорить со мной, то молчите!..

– Ну, будет, – остановил Аркадий. Он негромко засмеялся, и Пашка вправду присмирел. – Я уже проэкзаменовал коллег, повторов не нужно. Яволь?

Пашка помолчал секунд пять и кивнул.

– О'кей, – ответил тоже по-иностранным.

– А коли так, то пойдем, – сказал Аркадий. – Пора. Еще билеты надо взять.

– Да с билетами-то без проблем... – буркнул Виталий и, в общем, оказался прав. На третьесортный поезд-«бичевоз», плетущийся по уральским отрогам, охотников было немного. Постояв минут десять у кассы, взяли пять плацкартных билетов – целиком купе и рядом одно боковое.

Пашка заметно повеселел. Он кинул взгляд на часы, хмыкнул и бодро озвучил:

– Н-ну, товарищи офицеры и прапорщики, имеем полчаса свободного времени. Предлагаю: взять пива в дорожку. Чтоб времечко веселее бежало.

Никто не возражал.

– Только всем гуртом ходить не надо, – рассудил Арка-

дий. – Один кто-то пусть слетает, а остальные здесь подождут. Тем паче отсюда прямо и в тоннель нырнем, и на свой путь. Согласны?.. Ну, кто пойдет?

Понятно, что этим ходоком оказался Семен. Он безропотно взял деньги, сумку и направился к ларькам. Минут через семь-восемь он вернулся, таща купленное пойло.

– В баллонах брал, в пластиковых, – пояснил он. – В вагоне-то оно лучше.

– Орел, – с некоторым удивлением промолвил Павел, взглянув на Семена как-то по-другому, заинтересованно. – Разумное решение... А это что? – Он заглянул в сумку. – О, рыбешка!

– Язь, – скромно отрекомендовал рыбу Семен. – Вяленый.

– Самое то, – одобрил Забелин. – Н-ну, господа офицеры...

– Трогаться пора, господа офицеры, – вмешался Аркадий.

– И прапорщики, – подмигнул ему Егор.

– А кто у нас прапорщик? – весело откликнулся Аркадий и тоже подмигнул.

Княженцев засмеялся, но ответить не успел, так как наверху гулко скрежетнуло, гукнуло, и мятый жестяной голос высоко из-под потолка объявил, что начинается посадка... по маршруту... состав поезда находится на пятом пути...

– Это нам, – сказал Виталий.

Без суеты собрались, спустились в тоннель, прошли, поднялись. На перроне было не многолюдно, неспешно громы-

хал куда-то электрокар с прицепленными к нему двумя пустыми тележками. Пахло горелым углем и креозотом.

– Какой вагон? – отдуваясь, спросил Егор, – волочь груз с непривычки оказалось непросто.

– Четвертый, – ответил за всех Аркадий и показал рукой.
– Там, через один.

Четвертый. Грязно-зеленый вагон с грязными, пыльными стеклами – как и все прочие. Грязноватая, хмурая проводница. Глянула в билеты, потом зачем-то на физию путешественников, потом вновь на билеты и вернула их Забелину.

– Проходите, – позволила она.

– Сейчас, – пробормотал Павел. – Держите билеты... Домой звякну, жене, скажу, что все в порядке, отправляемся... Ты сотовый с собой не прихватил? – обратился к Аркадию.

– Там не возьмет, – спокойно пожал плечами тот. – Незачем и брать.

– Я взял! – встрял Виталий. – Сразу штуку на счет кинул, на всякий случай.

– А, – с презрением махнул Пашка рукой. – Зря старался. Джиэсэмовский стандарт – туфта, детство собачье. То ли дело – во, смотри!

И он извлек из внутреннего кармана куртки здоровенный, как лапоть, аппарат.

– Монстр, – сказал Егор.

– Зато возьмет где хочешь, хоть на том свете, – Пашка стал набирать номер.

– Грузимся, ребята, – распорядился негромко Аркадий.

Стали закидывать в вагон рюкзаки. Егор стоял в тамбуре и, принимая вещи, слышал, как заговорил по мобильному Забелин:

– Алло, Танюха?.. Это я, привет. Ну что, порядок, отправляемся... Да, уже у вагона, минут через десять... Что? Ага, ага... Ну все, люблю, целую... Люблю, люблю, говорю! Всей душой и всем телом – конечно, кроме жопы... Шучу, дура!..

Егор беззвучно рассмеялся и подхватил обеими руками два самых тяжелых рюкзака.

ГЛАВА 3

Состав качался, весело гроыхая по рельсам. Сон мигом улетучился: в поезде почему-то пробуждение всегда такое – проснулся, и сна ни в одном глазу.

Егор скосил взгляд вправо, затем, сколько смог, вниз. Вагон спал. Серенький туманный полусвет заполнял пространство, и по этому Егор определил, что время где-то около семи утра.

Вагон сильно мотнуло на изгибе пути, внизу с легким стуком упали и покатались пустые пивные баллоны.

Этот звук напомнил Княженцеву о вчерашнем выпитом и сгрызенном, и сразу же рот его насытился пивной отрыжкой, а слева между зубами очутилось застрявшее там волоконец рыбы.

Стал орудовать ногтем и так и сяк, чуть не расковырял десну, а обедок ехидно сидел на месте... Ничего не поделаешь, придется будить Семена.

Егор, кряхтя, повернулся.

Они с Семеном лежали на верхних полках, внизу дрыхли Пашка с Виталием. Аркадий устроился на боковухе, так как никому на ней быть не хотелось, а Кауфману до лампочки, вот он там и расположился.

– Семен, – вполголоса окликнул Егор.

Соратник по походу не пошевелился, как лежал пластом,

так и остался. Тихо лежал, без храпа, без звуков, будто и не дышал даже.

– Семен! – придушенно рявкнул Княженцев.

Без толку.

Рассердясь, Георгий перегнулся через провал меж полками, принялся расталкивать спящего.

– Семен... да Семен же, твою маму!..

И добился-таки своего. Семен зашевелился, завозил ногами по матрацу, повернулся и отворил наконец пустынные глаза.

– Семен, проснись! Подъем скоро.

В мутных глазах мелькнул какой-то сигнал, пропал, вернулся, задержался...

– Ааа?.. – вырвался сиплый звук из полуоткрытого рта.

– Хвост на! – передразнил Георгий, но беззлобно. –

Проснулся?

Лежащий моргнул и действительно проснулся.

– Доброе утро... – просипел он пересохшим горлом.

– Доброе, – согласился Георгий. – Слушай-ка, у тебя, кажется, спички имелись?

Семен облизнул губы, кашлянул.

– Спички? – переспросил нормальным голосом. – Да, есть, а что, тебе нужны?

– Нужны.

– Зачем? – вроде бы удивился Семен.

– Ну вот, зачем!.. Москву поджечь, как Наполеон, – за-

мысловато сострил Княженцев, но тут же сказал спокойно: – В зубах какая-то зараза застряла, мешает. Выковырнуть надо.

– А, – сразу понял Семен. – Это пожалуйста.

– Спасибо. Мне одну всего...

Семен спрятал спички, откинулся на полку и мгновенно провалился в свое персональное небытие.

Егор еще полежал немного, а потом все-таки встать пришлось – природа потребовала, никуда не денешься. Точнее, та часть природы, что именуется мочевым пузырём. Егор легко спрыгнул с полки, натянул кроссовки и проследовал в конец вагона, мотаясь вместе с ним, хватаясь за поручни на перегородах. Когда же, справив нужду, пошел назад, еще издали увидел, что Аркадий не спит, обувается, сидя на своей лежанке.

– Привет, – вполголоса поздоровался Егор, подойдя.

– Здорово, – бодро отозвался Кауфман. – Как спалось?

– Отлично, в поезде мне почему-то всегда спится хорошо.

Аркадий встал, притопнул сперва левой ногой, потом правой.

– Н-да, – сказал он. – Нет бы старые надеть, разношенные. До сорока лет дожил, а ума не нажил...

У Георгия брови взлетели чуть ли не на самые волосы:

– До сколько... Постой, тебе, что, сороковник?!

– Ну, прибавил малость, – сознался Аркадий. – Тридцать восемь.

Княженцев все равно не мог оправиться от изумления.

– Ну тем не менее... Даешь, брат! Я-то думал, ты нам с Пашкой ровесник, – тридцать два, тридцать три...

Удивление Егора выразилось еще и в том, что он заговорил в полный голос, и от этого восстал с верхней полки Семен – причем поразительно легко: сел, жутко зевнул и тут же спрыгнул вниз.

– Проснулись? – поинтересовался он и зашарил под полкой Виталия, отыскивая башмаки.

– Как видишь, – ответил ему Егор.

– Ага, – молвил Семен рассеянно. – А я прямо не знаю, что со мной... Всю ночь так и не заснул. Ворочался, ворочался, вставал, курил... Все уже спят давно, а я один, как сыч. Так и не спал.

Тут Княженцев поперхнулся удивлением и смехом, даже закашлялся.

– Семен Семеныч!.. – вскричал он. – Кха-кха... Что-то с памятью моей стало?

– Я Семен Николаевич, – объяснил Семен кротко.

– Э-э, дорогой мой, я ведь тоже Сергеевич, и тем не менее я-то все помню хорошо.

– Что хорошо?

– Как ты дрых без задних ног.

– Я дрых? Когда это?

– Ты. Ну или твой двойник. Клон, так сказать.

От шумных разговоров завозился на своей полке Пашка,

повернулся, потянулся, почесался и начал вставать – мятый и всклокоченный.

– Кто? – оторопел Семен. Глаза его широко раскрылись.

– Клон, говорю! – И Княженцев прибавил веселое непечатное ругательство.

– Э, опять матом ругаетесь, как маленькие дети... – пробурчал Забелин. Запасы его офицерских прибауток были неистощимы. – Чего такое?

– А, Семен Николаевич нам тут заливает сказочки про белого бычка. Брат Гримм!

– Да ну, правду я говорю, – огорчился Семен так, что Егору сразу стало жаль его.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал он. – Правду так правду.

– Па-адьем, – скомандовал сам себе Павел. Он действительно поднялся и сделал несколько энергичных, резких движений. – Зарядка, – объяснил он, пригладил обеими руками шевелюру. – Ну что, переходим к водным процедурам?..

Аркадий посмотрел на часы:

– Да, надо поторапливаться. Виталию будите.

Как будили Виталия, Егор не видел, потому что двинулся обратно в туалет, а когда вернулся, умытый, с освеженным ртом, то застал в своем купе одного Аркадия, который умело разворачивал на столике всякую походную снедь.

– Позавтракаем слегка, – предложил он. – Много нам есть

сейчас не следует, а вот чуть подкрепиться – в самый раз.

– А лимон найдется?

– Запросто, – ответил Аркадий так, что Княженцев только головой качнул, улыбнулся. Нравился ему этот парень, Аркадий Кауфман, с первой минуты глянулся. Все у него получалось, все препятствия-трудности словно бы сами разбежались от него, зная, что тут им делать нечего.

Егор засмеялся добродушно:

– Да уж, ты опытный турист, по всему видно.

– Витамин С, – улыбнулся Кауфман, – в походе вещь немаловажная... А слушай-ка, Егор, я вот что хотел тебя спросить. Вот вы с Семеном... это точно, что он спал крепко?

– Как ежик в зиму! – заверил Княженцев. – Насилу добудился.

– А он говорит, что глаз не сомкнул?

– А-а, небось маялся, маялся полночи, а потом мгновенно вырубился – вот и почудилось, что не спал.

– Может быть... – тут Аркадий как-то рассеянно улыбнулся. – Ну что ж, лимон у нас есть, заварка есть, осталось кипятку раздобыть. Сейчас займусь!

Он взял термос и направился за кипятком.

Через четверть часа все сидели в купе, завтракали, пили чай. Семен еще разок пожаловался на бессонницу, впрочем, тут же добавил, что и спать ему совсем не хочется; взял кружку горячего чая, насыпал туда сахару и с аппетитом стал прихлебывать. Аркадий с Егором обменялись понимающими

ми лукавыми взглядами, Егор постарался спрятать улыбку.

– Сейчас прибудем, – пообещал Павел, когда завтрак был закончен. – Идем по расписанию, минут через десять должны быть на месте... Давайте-ка готовиться.

– Да уж куда готовиться, и так готовы, – заметил Виталий ворчливо, но Павел цыкнул на него и сказал, что надо перетаскивать вещи в тамбур.

Это было справедливо. Только они начали перетаскивать, как поезд замедлил ход, проехали за окном будка, забор, какой-то столб; лязгнули буфера, вагон качнуло вперед, далеко впереди тепловоз предостерегающе заревел.

Прибыли.

Стоянка была минутной – только сгрузились, как поезд дернулся, лязгнул и стал набирать ход.

Последний вагон прокатил мимо путешественников, удаляясь, вместе с ним стало стихать гроыхание колес. Голова поезда начала втягиваться влево, за лесную сопку, тепловоз вдруг прощально свистнул оттуда...

Они остались на дощатом перроне одни.

* * *

Почему-то защемило сердце – слабой, тихой грустью; так, впрочем, всегда бывает, когда смотришь в даль убегающих

куда-то рельсов – пусть даже трамвайных...

– Эй, господа! – прервал лирическое настроение Егора жизнерадостный Пашкин голос. – Вы чувствуете? Воздух-то, воздух-то каков!.. Как в райских кущах! Вдохни, князь, вдохни поглубже, что ты как пасынок за обедом!..

Егор подумал, что на пасынка он вовсе не похож, но спорить не стал. Послушно вдохнул, затем еще. Ей-богу, воздух был как воздух, никакого райского дыхания Княженцев не ощутил.

Но Павел-то, несомненно, это ощущал. Он закрыл глаза, упер руки в бока и блаженно вдыхал воздух и ртом, и носом, после чего медленно, бережно выдыхал его, смешно вытягивая губы.

– Слушай, йог, – серьезно сказал ему Аркадий. – В лесу подышишь, там хоть через все отверстия... Давай-ка поищем кого живого, насчет дороги разузнаем.

– Карта есть, – молвил Забелин, не открывая глаз.

– Карта картой, а уточнить не мешает... Пойдем-ка. Пусть ребята с вещами побудут тут, а мы с тобой ходим.

Пашка открыл глаза, посмотрел вправо и сказал:

– Уже не надо. Вон оно, должностное лицо, само к нам идет.

Все повернулись туда и увидели, что действительно, неспешным ходом к ним приближается невысокий дедок в форменной железнодорожной фуражке. В левой руке служитель МПС держал неимоверно грязный желтый флажок.

– Доброго здоровья, – вежливо приветствовал он гостей еще на подходе, шагов за десять.

– И вам того же, товарищ командующий! – Пашка шагнул навстречу «командующему», который охотно протянул руку для приветствия. Они поручкались, а затем дедок так же церемонно поздоровался со всеми остальными, после чего достал носовой платок, зачем-то вытер губы, крикнул и наконец спросил:

– Туристы?

– Точно так, – весело откликнулся Павел.

– Хорошее дело, – не стал возражать старик, еще раз утер губы и подбородок, спрятал платочек в карман. – Куда путь держите?

– До реки, – ответствовал Забелин бойко. – Вот кстати, хотели уточнить маршрут. Не знаете, как проще добраться?

– Так, так... – молвил абориген. Сдвинул на затылок фуражку. – До какой... реки? – сказал он с паузой.

– Ну, вот те на! У вас тут что, еще какая-то Угрюм-река течет? Река Кара-су – есть такая?

Железнодорожник внимательно смотрел на Павла. Моргнул, откашлялся и высказался странным образом:

– Это да, конечно...

И отчего-то не по себе сделалось Егору. С чего бы вдруг?... – он не сказал бы. Что-то напонила ему эта картинка, но вот что именно... Нет, не вспомнил.

– То есть? – ни черта не понял и Пашка.

– Ну, то есть да... Кара-су – это вон туда, через вон эту сопку Можно напрямки, через перевал, можно в обход. А там в аккурат чуть влево взять, и часа через четыре вот она, Кара-су. Излучина.

Павел кинул взгляд на сопку, о которой было сказано.

– Часа четыре?.. Погоди-ка, отец. Это ты что-то динаму нам запустил. Сейчас я карту тебе покажу...

Он полез во внутренний карман куртки, зашуршал бумагой. Егору стало интересно, он тоже подошел.

Пашка развернул карту.

– Вот, отец, смотри. Километров десять, не больше! Мы ведь прикидывали, Аркан, да?

– Да, – подтвердил Аркадий. – По нашим прикидкам, на переход часа два должно уйти.

– Ну вот, – сказал Забелин. – Может ты сбился, отец? Карта-то вряд ли врет.

– Может, и сбился, – спокойно согласился «отец». – Я в той стороне давно не был. Не хожу.

– Почему? – тут же спросил Аркадий.

– А чего там делать? – удивился дедок совершенно искренне.

– Ну, как чего... Охота, рыбалка, грибы, ягоды...

– Э-э, мил человек!.. Да этого добра и здесь видимо-невидимо. А добра от добра искать – сам знаешь, что за история.

– Отчего же, – Аркадий улыбнулся скуповато. – Мы вот, похоже, пошли искать...

– Ладно. – Павел нахмурился. Ему надоело вести ничемные разговоры, и он убедился, что ничего нового им уже не выжать. – Все, отец, спасибо за информацию, – и свернул карту.

– Да не за что.

– Пошли, – скомандовал Забелин. – Собираемся.

Навьючились очень быстро. Аркадий с Павлом делали это умело и другим помогли.

– Готово, – сказал Пашка, поводя плечами – пристраивал поудобней кладь на спине. – Бывай здоров, папаша!

– Хорошей дороги, – пожелал служитель. – Вон тропка, видите? Вот по ней, она сама выведет. У самого отрога разделяется: влево в обход, вправо – на перевал. А там как знаете.

– Узнаем, – кратко прозвучал ответ. – Н-ну, личный состав, за мной.

– А воздух тут и правда особенный, – подал голос Семен. – Я думал, неслабо мне придется: ночь не спал, все такое... А как вдохнул – и усталость всю как рукой сняло!

Егор не удержался от ухмылки, качнул головой. Обернулся на ходу, чтобы произнести...

* * *

И осекся. Ничего не произнес, так и шел несколько шагов спиной вперед, покуда не споткнулся и едва не упал. Он удержался, развернулся и зашагал прямо, так и ничего не сказав.

Он увидел лицо Семена, и все язвительные слова замерли на языке.

На этом лице были все признаки бессонной ночи, если не двух таких ночей.

В вагоне Егор как-то не заметил, а тут, на просторе, при утреннем ясном солнце он увидел: да, этот человек страшно утомлен. Он, в общем-то, не должен держаться на ногах, должен упасть и спать, спать, спать... С такими тенями, залегшими в подглазьях, с воспаленными, красными белками глаз, с полуоткрытым ртом!

А он идет себе так бодро и о привале думать не думает.

Слово «привал» оказалось прилипчивым. Егор какое-то время боролся с ним, но борьба не очень задалась. Он осторожно кашлянул и окликнул Аркадия, шедшего перед ним:

– Аркадий!

– Слушаю, – не оборачиваясь, отозвался тот.

– Э-э... а первый привал когда будет?

– Думаю, часа через два, не раньше. Ну, а вообще, в зависимости от темпа Там посмотрим.

Кауфман объяснил все это очень спокойно, ровным голосом, и вновь Егору это стало приятно. Спроси он такое у Пашки – и тут же получил бы в ответ что-нибудь язвитель-

ное, о хилых подгибающихся ножках, например, или нечто в подобном роде... Но Пашка не услышал этого разговора, так как зазвонил его телефон.

– Алло, – донеслось до Княженцева, – привет, Танюха. Что?.. Все нормально! Выгрузились, идем к реке. Я на связи. Ну все, пока! Отзвонюсь позже, сейчас на ходу трудно. Пока!..

Сзади послышалось слабое попискивание – Виталий бесплодно терзал свой мобильник.

– Слышь, Паш! – крикнул он чуть погодя. – А мой и вправду не берет, хоть тресни.

– Не возьмет, – это сказал Аркадий. – Хотя могут быть окна, где контакт есть.

– Эй, говоруны, – ворчливо подал голос Павел. – Будете трепаться – скоро сдохнете. На марше – тишина! Повторить для бестолковых?

Таковых не нашлось...

Забелин в самом деле был профи. Он остановился именно тогда, когда нужно.

– Стоп! – скомандовал он. – Малый привал. Десять минут! Можно перекурить.

Сбросив рюкзак, Егор повел плечами, чувствуя, что футболка под курткой прилипла к спине.

– Ну, вот и дошли до развилки, – бодрым тоном провозгласил Пашка. – Все точно, можно даже карту не смотреть.

Верно, вот она, развилка. Одна тропинка поднималась

вправо, теряясь невдалеке среди подлеска. А та, что влево
огибала гору по низине, с обеих сторон обросла лесной тра-
вой, где редко виднелись какие-то мелкие желтенькие цве-
точки.

Эта тропка почему-то больше глянулась Егору.

– Умный в гору не пойдет, – вслух сказал он.

– Это точно, – выдохнул Виталий, нетерпеливо теребя
пачку «Кэмела».

Семен присел на свернутую лодку Аркадия и зевнул.

– М-м, – нечленораздельно произнес он.

Павел достал карту. Сдвинул брови, и лицо его приобрело
глубокомысленное выражение.

– А жарко-то как, а? – заметил Виталий. Он повернул ко-
зырек бейсболки на затылок и обозрел безоблачный небо-
свод.

– На реке прохладней будет, – отозвался Семен, вынимая
папиросу.

– Слушайте, орлы, – в голосе Павла прозвучала озадачен-
ность. – И я тоже хорош гусь... Я не знаю, какой у деда гла-
зомер, но если верить карте, то до реки примерно одинаково.
Может быть, через отрог чуть короче. Но не существенно.

Краткое совещание – и решили идти влево, долиной. За-
белин сложил карту:

– Тогда рассиживаться нечего. Время – деньги.

Тропинка пошла по обочине леса. Влево простиралось поле, метров через триста местность приобретала холмистый рельеф. Видимая сторона дальнего холма была безлесной, лишь у самой вершины топорщились елочки. А лес по правую руку, в долине меж отрогами, неожиданно стал лиственным – в нем светлели березки, – а на самой опушке кучерявились ветви дикой черемухи. Лес тянулся далеко, в нежно-синеватой дымке сливаясь с горизонтом. Между отрогами на горизонте четко угадывалась впадина: значит, долина продолжалась и там.

– Слышь, мужики, – подал сзади голос Виталий. – Я вот думаю... А чего этот дед сказал, что он сюда не ходит, а кто же тогда ходит? Кто-то ходит ведь, раз дорога есть! А?

Несколько секунд все молчали, потом отозвался Аркадий:

– Это у тебя что – вопрос или рассуждение вслух?

– Ну, вообще...

– А если вообще, то лучше помалкивай, – откликнулся из авангарда Павел. – А вот я предлагаю немного повысить темп. Выдюжим?

– Должны, – пыхтя, выговорил Семен. – По-моему, должны.

– Тогда держись! Даю ускорение.

И дал. Сразу стало жарче. Но минут через десять дорога повернула немного влево и прижалась к лесу, так что путешественники попали в тень. Идти и дышать сразу стало легче, воздух приобрел хвойный запах.

Подняв взгляд, Княженцев увидел, что дорогу метров через двести, поглощает лес, окружая ее с обеих сторон. Темно-зеленые густые ели стояли плотной стеной, сурово и неподвижно.

И когда группа вошла в лес, все сразу почувствовали нечто иное. Но что?.. – Егор сначала не понял, а потом догадался: почти звенящая тишина. Безмолвие царило здесь, тень создавала сумеречный эффект, было прохладно, хотя ни ветерка – тяжелые кроны не шевелились.

Ребята шли, шли, час, другой... Чтобы убить время, Егор решил думать о чём-нибудь приятном. Правда, о чём – толком не знал. Ну да ладно, не беда! Значит, для начала надо подумать, о чём думать...

Однако, к некоторому удивлению философа, стараться, напрягаться не пришлось. Мысли как-то наплыли сами, овладели мозгом. Собственно, то даже не мысли были, а такие цветообразы – почти как сон без слов. В воображении – или где там, чёрт знает?.. – мягко за клубилось, стало подступать *нечто*, оно было в светлых, но холодноватых тонах: голубое, призрачно-серое... и где-то в недрах его почти невидимо вспыхивали белесые искорки: они скорее угадывались, чем ловились глазом.

Это не было чем-то умирительно-приятным, от чего пускаешь сладкие слюни. Нет. В смещении бледных живых пространств таилась мгла – её совсем не видно было, она притаилась где-то ещё за горизонтом, но Егор какой-то глубиной души отчётливо ощутил эту будущую мглу – тревога, странное предчувствие, желание оглянуться...

– ...Князь! Князь, ядрёна голова! Заснул?!

Егор вздрогнул и очнулся. Пашка шагал перед ним спиной вперёд, весело хохоча.

– Что? Мировые проблемы покоя не дают?

Княженцев улыбнулся, отбрехнулся как-то... Пошли дальше, не снижая темпа.

И что-то всё конца-краю пути было не видно. Уже и Пашке стало не до шуток, он устал – это было заметно даже по спине.

– Слушай, шеф-пилот, – наконец окликнул его Княженцев. – А дед-то, похоже, лучше местность знает, чем твоя карта, а?..

Пашка на это буркнул нечто недовольное, но не обернулся.

– Эй! – тогда окликнул его Обносков. – Давай-ка ещё привал! Пора.

Дело говорил Виталя, ничего не скажешь. Путешественники остановились, попадали на траву. Пашка тут же достал карту, вперился в неё напряжённым взором. Смотрел-смотрел, пожал плечами.

– Хрень какая-то, – проворчал себе под нос.

– Да ладно, – легкомысленно махнул рукой Обносков, закуривая. – Будем идти, куда-нибудь да выйдем.

– Нам куда-нибудь не надо, – Семён засмеялся. – Нам на реку надо!

– Ну, на реку и выйдем... – Виталий прикурил, пыхнул дымком...

«Дурак», – с неудовольствием подумал про него Егор.

И что ж вы думаете?.. Дурак не дурак, а всё так именно и оказалось. И дед в фуражке был прав на все сто. После привала наши туристы шли по лесу ещё часа два, солнце стало в зенит – хотя под густым пологом леса было тенисто, и собственно, один чёрт – в зените оно, не в зените... Вообще как бы без времени здесь – такая мысль скользнула у Егора, он поднял разгоряченное ходьбой лицо, бегло оглядел спокойный, неподвижный хвойный свод. Да уж, какое тут время, где оно...

Думая об этом, Княженцев не заметил, что тропинка стала опускаться вниз. И уклон пошел очень ощутимый, Павел уже вынужденно притормаживал ход, чтобы не припустить бегом вниз.

– Что за хрен, – бормотнул он, взмахнув руками, удерживая равновесие. – Куда это ее понесло?..

– Это наверняка спуск к реке, – предположил Виталий.

– К какой, к черту, реке?! – раздраженно выкрикнул Павел. – Нет тут никаких указаний насчет спусков!

Указаний, может, и не было, но спуск был. И он становился круче, вот уже трудно стало удерживаться на ногах. Егор схватился за еловую ветвь.

– Эй, Сусанин! Ты куда нас завел?

– Пошли бы вы на хер! Не я, а вы сами же решили... Демократия, мать вашу!..

– Река! – вдруг радостно завопил Виталий. – Ну, что я говорил?! Река, смотрите!

– Где река? – огрызнулся Павел, но вдруг резко затормозил и встал как вкопанный. Перед его взором в просвете меж елями блеснула на солнце беспокойная рябь воды.

Это было невероятно, но очевидно.

ГЛАВА 4

Через пять минут путники стояли на крутом берегу, молча глядя на то, как мимо них быстро катит мутные воды неширокая, но быстрая, норовистая таежная река.

Забелин поджал губы, растянул их в неопределенную гримасу.

– М-да... – промычал он, и всем стало ясно, что как штурман он признает свою капитуляцию.

– Ну и?.. – с невинным видом осведомился Аркадий.

– Что ну? Баранки пальцем гну... Никаких других водных преград, за исключением безымянного ручейка, в округе не предвидится. А река Кара-су должна быть, по меньшей мере, километрах в десяти сзади нас. Вот такая ворожба по этой карте.

– Дела... – протянул Семен и присел. – Пока что требуется перекурить, пораскинуть мозгами.

– Да чего думать-то, – скривился Виталий. – Мудрецы! Ведь вариантов-то всего три: поворачивать назад, переплыть на тот берег или плыть. Вот и все!

Павел, Аркадий и Егор молча переглянулись. Опять Виталий был прав, как Сократ. И не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы выбрать из трех вариантов один.

Княженцев посмотрел почему-то на Семена. Тот цыкнул стружкой слюны сквозь зубы, пожал плечами.

– Конечно. Я за. Река – та же дорога, куда-то да выведет.

– Разумно. – Павел усмехнулся. – Ну а раз так, тогда – большой привал, с костром. Вещи в кучу, и все на поиски топлива. Сухие ветви, лесины, поленья – это я для тебя, князь, как для дилетанта. Все пойдет. Даже шишки. Их тоже можно. Ну, вперед!

Через полчаса костер весело горел, сухие смолистые ветки полыхали бойко, с потрескиванием. За приготовление харчей Павел взялся сам, сказал, что никому это дело не доверит. Он влил в котелок один баллон воды и всыпал в него три пачки вермишелевого концентрата... Нашлись и маленькие конвертики со специями, и пакет с сушеными овощами. Скоро в кипящей гуще аппетитно замелькали морковка, кукуруза и горох. Егор вспомнил про болгарскую фасоль.

– Давай, – согласился Павел. – Вали до кучи, хуже не будет.

На чистом воздухе варево показалось восхитительно вкусным. Пашка и это дело знал: вроде бы немного сварил, однако ближе к дну котелка стала ощущаться сытость, и последние ложки шли уже с трудом.

– Уф, – сказал Семен, сытно рыгнув, – после такого обеда только на боковую.

– Ну, на боковую не на боковую, а отдохнуть, да чайку попить – самое то, – заявил Павел. – Котелок вымоем, да и вскипятим, дело простое. Жорж, ну-ка ты там подкинь веточек... Самому молодому – мыть котелок! Кто у нас самый

молодой?

Егор отчего-то подумал, что это Виталий, но неожиданно таковым оказался Семен – двадцать семь лет!

Бог весть, как другие, а Княженцев долго приходил в себя от очередного сюрприза. Одиннадцать лет разница с Аркадием! А выглядели они даже не ровесниками, Кауфман казался просто юношей по сравнению с куда более молодым товарищем.

«Чудно, – подумал Егор. – Совсем чудно...»

Вернувшись с чистым котелком, Семен сообщил:

– Еще бы разок надо сполоснуть. Вода мутная, с илом.

Павел экономно ополоснул котелок.

– По стакану на рыло, – предупредил он всех. – Князь, ты огонь блюдешь?

– Как честь смолоду!

Эта острота дошла почему-то до одного Виталия. Он разинул рот в смехе, поддержал аспирантский юмор, и очень скоро выяснилось, что идиому «беречь честь» он понимает в самом грубом смысле.

– ...Слушай, а ты сам-то когда мужиком стал? – допытывался он у Егора. – Сколько тебе лет было?

Княженцев был совсем не ханжа, даже наоборот. Любил шуточки с легким цинизмом; но вот тупую пошлость терпеть не мог. А Обносков именно это приятное свойство и начал демонстрировать. Да с удовольствием, со вкусом, с гоготом – похоже, предмет разговора вызвал в нем что-то такое, что

у более утончённых натур называется вдохновением.

– А я вот в первый раз, – разоткровенничался он, – так мне восемнадцать было... смех! А этой бабе где-то уже под тридцатник, ха-ха! Свежатишки захотелось!

Егор демонстративно отвернулся, но Виталий и не думал останавливаться, словесный понос пошел потоком, однако Забелин нашел способ заткнуть его.

– Эй, товарищ боец, – сказал он. – Если ты и дальше будешь такие разговоры разговаривать, придется тебе в чай бром добавлять. Действует как из пушки! Полгода ни об одной бабе не вспомнишь.

Виталий обиделся и замолк. Егор подбросил веточек в костер:

– Поддадим жару. Долго греется.

Чай получился не просто в меру крепкий, но и изумительный на вкус, с дымком, даже с хвойным привкусом – чудо! Никогда такого чая Егор не пробовал. Он аж разомлел, посмотрел вокруг другими глазами – и словно только что увидел всю эту прелесть дикой природы, таинственную даль таежной реки, бесконечность этого мира – бог мой, как же он не замечал этого раньше!..

– Слушайте, – произнес он искренне, – а ведь в самом деле-то... как здорово здесь! Честное слово, не думал, что так будет.

Забелину эти слова очень пришлись по душе.

– Я говорил – благодарить станешь. Это еще не диво, а вот

пойдем по реке – там еще и не такое увидишь!

– Это точно. – Кауфман улыбнулся. – Ну, попили? Давайте разворачивать лодки.

* * *

У него лодка оказалась огромной, как крейсер, притом, что в свернутом виде места она занимала немного.

– Ничего себе, – с удивлением произнес Егор, разглядывая это чудо. – Дредноут какой-то. Хоть в океан плыви.

– Хорошая вещь, – подтвердил Аркадий. – Надежная.

– Импортная?

– Немецкая.

– С исторической родины? – Егор засмеялся.

– Вроде того, – вскользь улыбнулся Аркадий.

– Слушай, а ты по-немецки... как?

– Да никак. Учил английский, а наш немецкий, в смысле язык местных немцев... ну, это такой реликт, из восемнадцатого века.

– Эй, филологи, – вмешался Забелин, – хорош трюндеть. Качать давай, берите насосы.

Качать пришлось долго; вначале этим занялся Егор, а когда запыхался, передал эстафету Семену. Тот взялся сперва бодро, но что-то очень уж быстро выбился из сил.

– Ох, мужики, – сознался он, – чего-то трудно... В сон клонит, сил нет. Жрать меньше надо, что ли?..

– Поплывем – в лодке покемаришь, – посочувствовал ему Аркадий. – У тебя и в самом деле вид усталый.

– Да и не говори... Виталя, покачаешь малость? Ты того... не серчай, я чего-то не в форме.

Виталя буркнул что-то не очень приветливое, но за насос взялся. Потом его сменил Пашка, за ним к насосу подошел Аркадий... Лодка начала обретать какие-то формы; полунадутая, она стала походить на дохлого дельфина... Потом за насос снова взялся Егор. Кауфман предупредил его:

– До упора не надо, пусть чуток подспущенная будет. На солнце разогреется – сама надуется до нормы.

Через шесть-семь минут лодка была готова.

– Ну, вот и ладушки, – одобрил Пашка. – А с моей управимся быстро.

Не сказать, что так уж быстро, но с лодкой Забелина управиться было все-таки полегче.

– Товарищ капитан шестнадцатого ранга! – крикнул Егор Пашке, который отошел отлить к ближайшей елочке. – Флот к спуску на воду готов!

– Вольно, мичман, – важно сказал Пашка, застегивая на ходу ширинку.

Обстановка вообще сложилась на берегу самая приятельская и деловая. Работали споро и весело: спустили лодки, закрепили их, стали загружать. Павел распорядился составами

экипажей:

– Мы с князем на моей лодке, остальные с Арканом! Дружные мнения есть?

Других мнений не было. Аркадий и Павел распределили груз так, чтобы зафиксировать устойчивый центр тяжести, взяли вёсла.

– Н-ну, – с особенной интонацией произнес Забелин, – ни пуха ни пера?

– К черту! – выкрикнул Виталий и почему-то громко загоготал.

«Дебил», – неприязненно подумал Егор.

Павел оттолкнулся от берега, схватился за весло. Несколько сильных гребков – и течение подхватило, понесло лодку.

Странное ощущение, никогда Егор не испытывал такого: сидеть на резиновом днище было все равно что сидеть на волнах. Как живые колыхались они под задницей!.. Мелькнула дурацкая мысль – наверное, нечто похожее может быть, если лететь на ковре-самолете... А вообще – здорово!

Так Егор и сказал Павлу.

– А то! – довольно пропыхтел тот, энергично работая веслами. – Я говорил – благодарить будешь. Памятник мне дома поставишь!

– Ага. Бюст, – откликнулся Княженцев. Он крутил туда-сюда головой – озирает лесные берега.

– Нет уж, ставь полный! С руками, ногами...

– И всеми прочими анатомическими подробностями, –

подхватил Егор. – Стоит статуя в лучах заката!..

Они какое-то время потешались, потом Павел крикнул:

– Эй, на линкоре! Как дела?

– Плыве-ом! – до петел голос Семена.

Лодка выплыла на середину реки. Пашка ловкими движениями весла выровнял судно носом по течению.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь само понесет... Дистанцию держи, Аркан! – крикнул он. – Метров пятнадцать!

– Есть, командор, – донеслось с большой лодки.

Прищурясь, Егор постарался рассмотреть, что там происходит.

Увидел Аркадия, бейсболку Виталия... А Семен где?... Ах да, наверное, поспать пристроился. Да уж, отдохнуть ему не мешало бы... Это, возможно, от смены часовых поясов. Бывают люди, чувствительные к временным перепадам... да... А хорошо-то здесь, правда... хорошо как...

– Князь! Эй, князь!

Егор испуганно вздрогнул.

– Что такое?!

Пашка, дурак, хохотал.

– Ключешь носом! Мне на борту спящие красавцы не нужны!..

Егор огляделся кругом.

В самом деле, незаметно подкрался сон, а от Пашкиного окрика Княженцев резко подскочил, аж сердце зашло.

– Фу ты, – пробормотал он с неудовольствием. – Что за

хреновина...

Но все было, как прежде, ярко светило солнце, поблескивала в его лучах река, высились по берегам бескрайние леса.

«Странно, – проплыла мысль. – Оба берега крутые?.. Вроде бы один должен быть крутой, другой пологим... а если крутые оба?..»

ГЛАВА 5

Это было последнее, что успел подумать Егор Княженцев. С безоблачного неба в реку ударила молния.

И еще одна. И ещё, и ещё! На реку обрушился целый каскад молний, они били одна за другой, не прекращая. Стоял адский грохот – казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. А в следующий миг небо упало на землю.

Оно рухнуло страшной стеной воды – это был не дождь, это был водопад, по крайней мере, так показалось в первые секунды, и Егор перестал понимать, на каком свете он находится. Рассудок отключился от действительности, опасаясь за свою сохранность. Но это длилось несколько мгновений, не более, а затем стало ясно, что это все-таки гроза.

Но что это была за гроза!.. Не должно быть таких гроз в этом мире – таких бешеных, от грохота которых закладывает уши, вся одежда промокает вмиг, а струи воды льются по лицу, в глаза, в рот, в ноздри, от них не успеваешь отплеиваться, отмахиваться, не успеваешь вообще ничего – и вот-вот тебе конец... Казалось, что сейчас гроза разнесет эту планету вдреизг...

Конец! Он пришел – только не человеку, а грозе. Гроза исчезла так же внезапно, как началась.

Егор сидел в луже и молча смотрел на мокрого Пашку, который ответно и тоже молча смотрел на Егора, круглыми обалделыми глазами.

Ситуация была вообще-то не очень смешная: Егорова задница и ноги обретались в лодке, как в ванне, а сам философ был мокрый весь, до нитки в буквальном смысле слова... Но все-таки его разобрал смех, и разбирал все пуще и пуще, так что Княженцев удержаться не мог. Он хохотал до икоты, потому что вид Пашки, с волосами, облепившими голову, как резиновая шапочка, с ушами торчком, открытым ртом и остановившимся взором... Ну, словом, никогда Егор *такого* не видывал.

Павел вытер мокрой ладонью мокрое лицо и отплюнулся.
– Ржешь, князь? – произнес он. И еще раз сплюнул: – Правильно. Что еще делать в таком случае...

Он обернулся ко второй лодке.

– Эй, на борту! Как вам такое нравится?..

А там творилось нечто странное.

* * *

Егор это сразу понял, как взглянул туда.

Там суетились. Аркадий с Виталием взмахивали руками, сильно раскачивая лодку, она даже повернулась под углом

к течению. А они бестолково тыкались туда-сюда, совались руками куда-то вниз, и вообще видно было, что они растеряны и не знают, что делать.

Если растерянности можно было ожидать от Виталия, то почему так вел себя Аркадий?!

И еще вот что – куда делся Семен!!!

Видно, это понял и Пашка. Он крутнулся на месте так, что чуть не опрокинул лодку.

– Эй! – заорал он тревожно. – Что там у вас?! Что случилось?

Пауза. Потом Аркадий повернул бледное лицо к Павлу с Егором.

– Беда, Паша! Тормози.

– Т-твою мать... – Пашка метнулся к веслам, не сразу схватился за одно из них, матюгнулся. Ухватив-таки, начал торопливо выгребать против течения.

Расстояние между лодками стало быстро сокращаться.

Но и так ясно было, что Семена в лодке нет.

– Беда, мужики, – повторил Аркадий. – Семен пропал! Нет его.

– Как нет? – начальственно выпрямился Пашка. – Как это нет?!

Он это сказал по инерции, ибо сам видел, что их товарища в лодке нет. А как его не стало – вопрос глупый, и самому Пашке это было ясно как дважды два.

– А ты не видишь – как нет? – сдержанно сказал Аркадий.

На скулах его выступили желваки. – Физически. А где он духовно – я тоже не скажу. В зависимости от того, как жил. Либо там, – Аркадий ткнул указательным пальцем в небо. – Либо там, – и показал пальцем вниз.

Лодки мягко толкнулись бортами.

– Извини. – Пашку качнуло, он схватился за борт. – Извини, – смущенно шмыгнул носом, – глупость, конечно.

Аркадий с Виталием были такие же мокрые и очумелые, как и приятели-одноклассники.

– Как это случилось? – негромко спросил Егор.

– А черт его знает!

Козырек бейсболки Виталия повис, как клюв у утконоса.

В глазах стояло полное непонимание.

– Так. – Павел пришел в себя. – Гребем к берегу, будем разбираться.

– Как гребем! – вскинулся Виталий. – Человек пропал!

Искать...

– Член свой в штанах ищи! – рявкнул Забелин так, что Егор вздрогнул. – Какого... Какого, мать твою, искать, когда течение нас несет! Думай башкой!

– Давай к берегу, – коротко сказал Аркадий.

В четыре весла ударили к берегу, правому, от которого отчалили. Виталий бессмысленно причитал и сквернословил.

«Вот те на...» – просквозило у Княженцева в голове, и тут же он вспомнил свой разговор с тетей Раей. Лешие, водяные... Вот тебе и деревенская болтовня!

Берега достигли быстро. Егор выскочил на глинистый откос – совершенно сухой! – закрепил лодку швартовом за корягу, другую лодку прочно зацепил за первую.

Убедившись, что лодки закреплены надежно, вылили из них воду и вскарабкались по откосу на неширокий горизонтальный уступ.

– Ну, твою мать... Весь мокрый! Как обоссали! – выругался Павел.

– Сушиться надо. – Егор поморщился. Мокрые джинсы препогано натирали кожу в паху, приходилось ступать, как ковбою, в раскоряку.

– Ладно, – бросил Павел, повернулся к Аркадию: – Как это случилось?

– Понятия не имею, – Кауфман обеими руками пригладил волосы, высморкался наземь. – Убей, не понимаю. Плыли, плыли, все нормально. Он, – Аркадий кивнул в сторону реки, – говорит, дескать, покемарю я, сил нет. Я ему: да ради бога... Пристроился он возле рюкзаков, вижу – задремал. Ну, хорошо. Плыдем дальше. И тут вдруг эта напасть. А как она исчезла... так, собственно, и Семен исчез с ней вместе. Вот такая картина происшествия.

– Да, – сказал Пашка и бессмысленно огляделся. – И вы не слышали ничего... крика там, всплеска?

Аркадий только криво усмехнулся, да Павел и сам понимал нелепость таких вопросов, просто так уж спросил, для очистки совести.

– Мать твою так! – воскликнул Павел с досадой. – Ну не вознесся же он на небо!

Егор, чертыхаясь, сел на траву, начал стаскивать обувь. Аркадий с Виталием угрюмо молчали.

– Слушайте, коллеги. – Княженцев снял кроссовки и взялся за джинсы. – Как говорят в Одессе, не трясите воздух бесплатно. Сейчас я вам кое-что любопытное расскажу.

* * *

И рассказал – то, что услышал от Раисы. А закончил так: – Теперь мне кажется, что она знала, о чем говорит. Это вовсе не бредни.

Пашка хмыкнул – то ли недоверчиво, то ли с интересом. – Да уж! Феномен, что и говорить... Ладно, давайте-ка вещи сюда, сушиться будем, а уже параллельно и думать будем.

Раздевшись до трусов, Егор заковылял за сучьями и шишками. Здесь почему-то сухих сучьев оказалось немерено, и Княженцев за один раз приволок целую охапку.

– О, – одобрил Забелин, – отлично. Наломай помельче, чтобы жар был равномерным... Так ты говоришь, места тут с причудами?

– Не я. Продавщица говорила. Уроженка здешних мест.

– Ну да... А в чем это выражается?

– Вот те раз! Ты что, не видел, в чем это выразилось? Ты когда-нибудь, за всю свою жизнь что-нибудь подобное видел?

– Я видел, – вклинился в разговор Виталий. – В Забайкалье. Как шваркнул ливень! Неба не видать. Сплошная стена воды!

Егор сдвинул брови.

– А когда это было? Весной, летом?

Тут Виталий глубоко задумался.

– Да как когда... Не помню точно. То ли весной, то ли летом...

– То ли осенью...

– Может, и осенью...

– Вы, товарищ рядовой, – раздраженно проговорил Павел, – если у вас голова, как унитаз, где ничего не держится, заведите записную книжку, или...

– Или лучше две, как у меня, – закончил за него Аркадий.

– Спокойно, спокойно, не надо ссориться, горячие русские парни. Давайте-ка попытаемся все проанализировать.

– Это ты, – Павел поджег скомканную бумагу, – анализируй, холодный немецкий парень...

Костер запылал вовсю. Забелин поворошил его длинным сучком.

Аркадий задумчиво покивал головой.

– Попробую... Конечно, загадки должны объясняться максимально просто, согласен с этим. Но это в том случае,

если все события текут в привычном режиме. А уж если происходит что-то необычное, то тут обычная логика перестает работать.

– Черт... – тоскливым голосом произнес Виталий. – Телефон вырубился... Намок, что ли.

Егор полуобернулся: Обносков сидел на траве и без толку давил кнопки своего мобильного.

– Слышь, Павел, – спросил он, не поднимая головы. – А как твой агрегат, работает?

– Он у меня в чехле. – Пашка усмехнулся с видом какого-то превосходства. – Влагонепроницаемом...

Сказав это, он почему-то обернулся к своим вещам. Усмехнулся вновь, повернулся и тут же опять отвернулся, словно что-то там не давало ему покоя.

– Что там у тебя такое? – спросил Егор.

– Потом, – неясно ответил Павел и вернул разговор к центральной теме: – Так ты говоришь, обычная логика не действует?

– Очевидно, так, – Аркадий пожал плечами.

– Так. Ну а ты, философ, что скажешь?

Егор сказать ничего не успел, потому что Виталий в сердцах откинул свой телефон в сторону и выкрикнул:

– Ну, чего вы бодягу какую-то разводите! Делать что-то надо!

Павел не на шутку рассердился:

– Ну, твою мать! Что делать?! «Что-то!» – передразнил

он. – Ну, делай что-то! Делай! Можешь нырять. Можешь рыбой обернуться или раком – вот, давай, исследуй дно. Или птицей давай обернись – вот индюком, самое то! Взлети да просторы с высот огляди!

– Хорош, Пашка, – осадил его Аркадий. – Я тебя понимаю. Но ты и сам тормозни. Это не дело – орать, тут все на нервах.

Забелин примолк, губы сжались в тонкую линию. Посидел несколько секунд с таким мрачным видом, затем все же заставил себя кое-как усмехнуться.

– Ладно, – вымолвил он. – Извини, Виталик... Ни хрена теперь уже не сделаешь, это я вам говорю как человек не просто военный, но повоевавший. Если человек пропал на реке, то вариантов два: либо он утоп, либо нет. Во втором разе он когда-нибудь сам объявится. В первом – нет. Но в любом случае ничего от нас не зависит. Ни-че-го! Не знаю я, как там в Забайкалье, но нам повезло так повезло. Я правду говорю, – с неудовольствием добавил он, заметив на лицах кривые ухмылки, – никаких тайных смыслов. Это ж не ливень, это катастрофа! Я вот сейчас задним числом как вспомню – так и оторопь берет. По идее, всех должно было этим водопадом смыть! Так что легко отделались... А вообще, хорош болтать, давайте сушиться.

Вещи из рюкзаков вытряхнули, сами рюкзаки также подтащили поближе к углям. Пашка велел Виталию отправляться за новой порцией веток, и тот молча ушел. Аркадий сказал, что он тоже сходит за топливом, и направился в другую сторону.

Егор был хоть и философ, но человек наблюдательный, и он заметил, что Павел, покуда возился со своими вещами, что-то там перепрятал. Что? Княженцев подумал, что это спиртное. Ничего говорить он не стал – заметил и заметил, промолчал и ладно. К тому же ему в голову пришла другая мысль.

– Слушай, Пабло, – сказал он. – А может, позвонишь, согласишься о ЧП? Дело-то не шуточное.

– Не спорю, – согласился Павел, тщательно раскладывая одежду. – Только вот звонить не имеет смысла.

– Почему это?

– Да потому это! Ну что объяснишь по телефону за триста верст? И чем они помогут?.. Ну, то-то и оно. А что вообще касается юридической стороны дела, то я об этом, естественно, и сам думал.

– Надумал что-то?

– А как же. По карте ближайшая деревня – недалеко, часа

два-три...

– Ну, мы уже сегодня с картой один раз дали дрозда!

– А хоть бы и так. Что это, собственно, меняет? Будем плыть, пока не встретим какой-нибудь очаг цивилизации, мать его. А там должны ведь быть какие-то коридоры власти, их мать тоже! Сельсовет там, или еще какая ни на есть богадельня... Но впрочем, ты прав, звякнуть надо. Таньке-то обещал... Переверни штаны, я позвоню пока.

И Павел сунулся к своим вещам. Егор же занялся переворачиванием Аркашкиных джинсов, чуть не уронил их на угли, матюгнулся.

Появился Виталий с огромной охапкой хвороста, свалил его кучей подле костра.

– Видал? – спросил со значением.

Княженцев глянул на кучу, подумал, что подвиг не велик, однако вслух сдержанно похвалил:

– Молоток.

Виталий, кажется, хотел что-то сказать, но не успел, поскольку тут раздался голос Павла. И голос этот был озабоченный.

– Однако, мужики... – протянул Забелин.

– Что? – обернулся Егор.

– Ха-ха, – без смеха ответил Пашка. – Как выражаются наши младшие братья по разуму, янки: я не думаю, что это хорошая идея... Я вот тоже не думаю, что это хорошая идея, но мой телефон не работает.

И продемонстрировал табло телефона с надписью «Нет сети».

– Первый раз такое, – промолвил он грустно.

Из еловых зарослей появился Аркадий, также с охапкой веток.

– Как мои портки? – спросил он, видя свою амуницию распяленной на траве.

– Коптятся. – Егор усмехнулся.

Это словечко, видимо, вызвало у Виталия рыболовные ассоциации.

– Слушайте-ка, – оживился он. – Может, удочки побросаем пока?

Пашка поднял голову, оценивающее обозрел реку.

– Можно, – вынес он вердикт. Кивнул Егору: – Пошли, князь. Порыбачим, посмотришь, что это за штука – рыбалка.

Княженцев отказался. Рыбная ловля всегда казалась ему занятием, рассчитанным на субъектов, чья нервная система отмерла за ненадобностью, вместе с головным мозгом... Не пошел удить и Аркадий.

– Не люблю, – коротко сказал он. – Да и за костром кто-то должен смотреть.

Павел с Виталием долго собирали какие-то свои рыбацкие манатки, потом спустились к воде. Слышно было, как они о чем-то там неразборчиво переговариваются, затем утробно булькнуло упавшее в воду грузило.

Егор пощупал раскинутые джинсы.

– Сырые, черт, – сказал он.

– Подкинь дровишек, – посоветовал Аркадий.

Сделали так. Сухие ветки радостно вспыхнули, затрещали, закорезжились на углях.

– Послушай, Егор... – Кауфман понизил голос. – Скажи, пожалуйста, что ты обо всем этом думаешь?

Княженцев поморгал.

– Трудно сказать... А ты?

Аркадий сделал маленькую паузу, прежде чем спросить:

– Скажи, в поезде ничего странного ты не заметил?

Этот вопрос заставил Егора усмехнуться еще раз.

– Заметил, – сознался он. И рассказал о случае со спичками. Да и вообще с Семеном...

– Вот! – воскликнул Аркадий приглушенно и обернулся.

– Вот именно. Семен! С ним начало твориться неладное еще задолго до того... Согласен?

– Есть резон, – спокойно произнес Егор. – Скажи, а ты что... не хочешь, чтобы они слышали наш разговор?

– Чтобы Виталий не слышал, – еще тише ответил Аркадий.

– Почему?

Аркадий дернул уголками рта.

– Пока не скажу. Сам не знаю.

Егор пожал плечами.

– Дело, конечно, твое... А у тебя что, тоже нечто странное в поезде было?

Аркадий как бы замялся:

– Похоже, что да.

– Уточни.

– Уточнить не просто. Это довольно смутно... Сон какой-то странный; точнее даже не сон – не картинки то есть, – а какая-то тревога. Мрак, клубящаяся тьма. Будто бы это обступает меня со всех сторон... Обступало, но я вырвался.

– И то уж хорошо, что вырвался, – улыбнулся Егор.

– Я тоже так думаю. Вырвался и проснулся. Думаю: вот, черт возьми, этакая дрянь приснится... Встал, пошел в сортир. За окнами темень, все спят, весь вагон. Зашел я в сортир, сделал дело, ручку повернул, чтобы выйти, а дверь не открывается. Ну, думаю, спросонья фиксатор не повернул. Смотрю: а он стоит на «открыто». Я дверь еще раз дернул – она как будто поддается, и в то же время нет, будто ее кто-то придерживает снаружи. Я еще сильнее дернул – то же самое... – Аркадий прервался, покачал головой. – Надо сказать, мне малость не по себе сделалось. Что за дела? Повернул на «закрыто», дернул – да, закрыто. Вновь на «открыто», дернул – та же штука, словно кто-то мешает. Тут, признаться, мне стало жутковато, остановился. Перестал дергать. Стою, вслушиваюсь. Вагон мотается, колеса по рельсам стучат, вроде бы за дверью ничего не слышно. Ну, постоял я полминуты, взялся за ручку...

– И тут она легко открывается, как в сказке, – закончил в тон рассказчику Егор.

– Совершенно верно, – сказал Аркадий, даже не улыбнувшись.

– И никого за дверью не было?!

– Абсолютно, – подтвердил Кауфман. – Спящий вагон, ни одного бодрствующего объекта.

– А в тамбур ты не заглянул?

Аркадий усмехнулся.

– Побоялся. Поверишь?.. Подумал об этом, но не стал. Пошел к себе...

Он не успел договорить, потому что тут, как чертик из коробочки, появился Пашка со спиннингом в руке. Вид у него был злой.

* * *

И выругался он неприлично.

– На... ..!! Дурак!

– Кто? – искренне удивился Егор.

– Да я, кто же еще. Других у дурака дел нет – пошел рыбу ловить! Вот уж действительно, нашел, кого слушать!

Не прекращая самокритику, он сунулся к своим вещам, словно бы проверял что-то.

Здесь появился и тот, кого сдуру послушал Забелин. Выражение его лица было крайне недовольным и обиженным

– похоже было, что, прежде чем подняться наверх, Пашка сперва высказал напарнику свои созревшие после рыбалки умозаключения.

– Не клюет ни хрена, – пожаловался он, подойдя к костру.

– Что, блин, за место такое!

– Место, положим, и впрямь замысловатое, – с неуловимым сочувствием сказал Аркадий.

Виталий присел у костра.

– Да уж... – протянул он. – Если уж люди пропадают неизвестно куда...

Павел проверил одежду. Повеселел немного:

– Сохнет отлично, скоро тронемся.

– А если нас еще один такой дождичек накроет? – Егор ухмыльнулся.

– Ты предлагаешь здесь сидеть? – скосился на него Пашка.

Княженцев только плечами повел, ссутулился.

Пашкино «скоро» оказалось не таким уж скорым. Солнце уже перевалило зенит, тени укоротились и вновь стали удлиняться... Жара усилилась, накаленная за день земля начала отдавать тепло снизу. Видно было, как над дальним перевалом дрожит, призрачно переливаясь, горячий воздух. Здесь же, у костра, под елями, он казался насыщенным запахами дыма, смолы, хвои и реки – вольный, беспокойный, с диковатым ветром воздух бескрайнего, как океан, изменчивого мира.

Княженцев залюбовался видом, но тут Пашка бесцере-

монно ткнул его пальцем в бок:

– Эй, герр профессор! Подъем.

Егор откашлялся.

– Замечтался.

– О чем?

– Ну... трудно сказать. Просто сидел, смотрел... Красиво.

На миг вспомнились свои странные видения на пути к реке; не забыл Егор и рассказ Кауфмана о снах в поезде – явная схожесть этих двух событий, конечно, не прошла мимо внимания философа, но пока он не стал обнародовать её.

– Да уж. Ну, туши костер, да поехали.

Погрузились быстро, отчалили, поплыли.

– Дистанцию держим небольшую, метров пять! – крикнул

Павел.

Аркадий в ответ махнул рукой – понял, дескать.

Забелин оглянулся, подправил курс.

– Хорошее течение. Если так идти будем, часа через два будем в деревне... Кстати, – он натянуто улыбнулся, – деревня называется Метеля. Занятное название, правда?

Княженцев улыбнулся тоже, но ничего не сказал. Он отклонился вправо, чтобы взглянуть на большую лодку, как там дела. Взглянул и убедился, что дела там в порядке: Аркадий с Виталием на месте, плывут и, кажется, о чем-то переговариваются.

После этого Егор посмотрел по сторонам. Ничего нового. Все то же. Густо поросшие еловым лесом склоны... вот толь-

ко двигалась лодка гораздо быстрее, чем в прошлый раз.

Он сказал об этом Пашке.

Тот осмотрелся.

– Пожалуй, – согласился он. – Мне и самому так показалось... а теперь-то вижу, что не показалось.

– Этак мы до деревни твоей мигом долетим.

– Не моей... А то, что скорей доберемся, это может быть. Там река должна делать изгиб, и такой каменный выступ... утес...

Забелин умолк.

– Ты что? – удивился Егор, поднял взгляд и увидел, что его друг, повернув голову смотрит вперед. И сам он тоже поднял взгляд – и увидел скалистый утес с одинокой сосной наверху, резко выдающийся от левого берега, и крутой поворот реки.

ГЛАВА 6

– Ты хочешь сказать... – Егор не закончил, хотя Павел вообще ничего не говорил. Но понял все, кашлянул и вот тогда сказал:

– Да. Сейчас повернем... Там будет видно.

– Павел! – крикнули с задней лодки.

Пашка обернулся.

– Смотри, поворот коварный! – донесся голос Аркадия.

– Сразу не поворачивай, иначе на берег выкинет! Немного подожди, метров десять, потом начинай заворачивать.

– Понял, – отозвался Павел. – Сам вижу... Что, верно, то верно, тут с умом нужно.

– А мне что делать? – спросил Егор.

– Тебе? Ничего. Ты пассажир. Сиди, смотри.

Течение действительно поднесло их к небольшому водовороту, образованному изгибом реки, они проскочили через него, и лишь после этого Павел сработал веслом. Лодка послушно вильнула влево точно по течению.

– Ловко, – похвалил Егор.

– Обыкновенно, – усмехнулся Пашка.

Из-за утеса начала выдвигаться новая панорама берега. Она была на самом деле новая, другая – этот берег, так же круто поднимавшийся вверх, был безлесным, весь в кудрявой травке и округлым, как поросычий бок. Берег косо пере-

секала протоптанная тропинка – от огородов наверху до деревянных, потемневших от воды и времени мостков внизу.

Это была пристань. Рядом с ней на песке лежали две перевернутые лодки-плоскодонки. А на мостках стоял молодой парень.

Небольшого роста, светловолосый, голова дынькой, уши оттопырены. Спортсмен, чтоб ему пусто было: в застиранной донельзя когда-то красной футболке, в китайских «адида-совских» черных штанах, бесформенно болтавшихся на коротких кривых ножках. Ступни, стоявшие на досках носками друг к другу, были обуты в резиновые галоши.

– Ну, вот и абориген, – заметил Пашка. – Держу к берегу... Здорово, призывник! – гаркнул он еще издалека.

Местный обитатель смотрел на них округлившимися глазами, в которых росло изумление, а затем вдруг сверкнула радость, рот парня растянулся в счастливой улыбке, и он начал как бы в нетерпении пританцовывать по мосткам, беспорядочно заскрипевшим от этого топотания.

– Ты смотри, какой энтузиазм, – удивился Павел. – Песни и пляски народов Аляски!

– Наверное, индейцы так встречали Колумба... – Егор засмеялся.

– Ладно, сейчас пообщаемся с этим индейцем. – Пашка взялся за весла и несколькими сильными гребками подогнал лодку к мосткам. – Князь, закрепись за сваю!

Егор схватился за осклизлый черный столб, другой рукой

схватил веревку, быстро дважды обернул ее вокруг столба.

– Bravo, князь! – Пашка приятно удивился. – Прямо речной волк!

Парень же на пристани повел себя самым странным образом. Он встал на четвереньки, нагнулся вперед. Продолжал рассматривать пришельцев, но теперь на его лице вместо диковатой радости появилось выражение сосредоточенного внимания.

– Вот, мать честная. – Пашка аж оторопел. – Глазенки проглядишь, хозяин!

Парень выпрямился, но с колен не встал.

– Юра знает, – вдруг сказал он.

– А поздороваться, товарищ призывник?

Здороваться местный житель отчего-то не пожелал, зато поднялся, отряхнул пузырящиеся колени штанов. Егор успел заметить, что руки «призывник» моет, очевидно, раз в месяц.

– Все ясно, – промолвил он. – Ты – Князь, – показал он на Княженцева грязным пальцем. – А ты – Стручок.

И повернулся вправо.

Павел с Егором как по команде оба тоже повернули головы туда и увидели, как ткнулась в берег лодка Аркадия.

– Вот этот – Кофейник! – выкрикнул парень. – А тот – Носок.

– Замечательно, – пробормотал Павел. – А сам-то ты кто таков?

– Кто? – переспросил парень.

– Конь в пальто! Ты сам. – Павел ткнул пальцем: – Тебя как зовут?

– Его? – И парень ткнул себя пальцем в грудь.

– О гос-споди... Слушай. – Павел обернулся к Егору. – Ты слышал, что он сказал? Стручок – мое детское прозвище, пацаны во дворе меня так звали.

– Я что-то не помню.

– Я же говорю – во дворе. На школу это не распространялось.

– Это Юра! – вдруг радостно догадался парень.

Егор посмотрел на него и увидел, что тот быстро-быстро тычет себя в грудь.

– Юра, Юра!

– И похоже, что он дурак, – с армейской бесцеремонностью ляпнул Забелин.

Однако Юра обрадовался пуще прежнего.

– Дурак он! Юра дурак!

И вдруг расставил руки, топнул ногой и прокричал:

Сапожком дурак притопнул,

Об ладонь ладонью хлопнул

Да как пустится плясать,

Ногу об ногу чесать!

И ударился в такой пляс, в самом деле «ногу об ногу чесать», да с вывертами, с дробным топотом, так что галоши

его чуть не слетели с ног, а мостки затряслись так, что казалось еще чуть-чуть – и они рухнут в воду.

– Ну, ты смотри, еще и артист... Ладно, что с него возьмешь. Давай, княже, крепим лодку, да вылезаем.

– А лодки здесь оставим?

Только Егор спросил так, как Юра перестал плясать, поднял руку и объявил:

– Юра пошел в деревню!

Да как припустил вверх по тропинке, да с такой легкостью – видно было, что ему этот путь привычен.

– Да уж, – только и сказал на это Павел.

* * *

Аркадий с Виталием уже вытащили лодку на берег и шли по траве сюда.

– Видали концерт? – с изумлением спросил Виталий.

– Да уж, – повторил Павел. – Князь, крепи конец... да-да, так. Видели, как же. Песни и пляски за кусочек колбаски! Кстати, кто из вас Кофейник?

– Это я, – засмеялся Аркадий. – В детстве так звали. Аркан да Кофейник... Кауфман – Кофейник, похоже?

– Ну, что-то есть. – Егор улыбнулся. – А вообще, как Кауфман по-русски?

– Торговец, – сказал Аркадий. – Ну, там продавец.

Виталий зевнул и сел по-турецки на мостки.

– Слушайте, так это он нас всех нашими детскими кличками назвал?

– Похоже, так. – Егор вскарабкался на доски, встал. – Ну, правда, меня и сейчас так кличут.

– Да откуда же он это знает?!

Этот вопрос-восклицание Виталия вызвал сложную и неясную мимическую реакцию у остальных.

И получилось так, что Обносков сидел на мостках, а все трое стояли вокруг него. И ему пришлось задрать голову, стараясь оглядеть лица товарищей.

– А я лично не удивляюсь. – Пашка повел плечами, присанился. – Теперь уже удивляться нечему.

– И тем не менее это странно, – сказал Аркадий.

– Да, ё-мое, здесь все странно! – ругнулся Пашка. – Ладно, хорош трепаться, давайте так: один здесь остается, стережет лодки. Трое – наверх, в деревню. Выясним обстановку... да и про ЧП надо доложить.

– У тебя телефон работает? – вспомнил Егор.

Павел достал мобильник, пощелкал кнопками.

– Ни хрена, – подвел он итог этим манипуляциям. – Молчит, жопа.

– Бывает так, что жопа не молчит...

Эта шуточка Княженцева вызвала лишь вялые улыбки, а Виталий сказал:

– Если так, то я останусь. Ну, ее подальше, эту деревню. Вы идите, а я тут посижу, покараулю.

На том и порешили. Виталий, сидя на досках, достал сигареты, закурил, а Павел, за ним Егор, за ним Аркадий, стали подниматься в гору

– Т-тяжело, собака! – с удивлением отметил на середине пути Егор. Он усиленно дышал.

– Да, крутой подъемчик, – согласился Пашка.

– А тезка-то мой по нему, как горный барс, взлетел!

– Это какой тезка? – недопонял Пашка.

– Юра, вундеркинд этот, альтернативно одарённый!

– А, – дошло до Забелина. – Ну, он. поди, каждый день упражняется – туда-сюда...

Под такие разговоры добрались до вершины.

И оказалось, что вышли они на окраину деревни. Тропинка вливалась в узенький проулок между двумя большими и ухоженными огородными участками, на которых росла заботливо окученная картошка, по бокам аккуратными рядами высились кустики смородины и крыжовника... Имелись там и еще грядки, с какими-то другими овощами – какими именно, черт его знает, никто из них, горожан, не был силен в сельском хозяйстве.

– Дома исправные, хорошие, – заметил Павел.

Эти два дома, к которым прилегали огороды, и правда, были крепкие. Не новые, бревна совсем темные, да и железные крыши, хоть и крашеные, но видно, что не вчера настелили.

ленные. Однако, по всему ясно, что некогда строились хозеява на века. Дворовые постройки – бани, амбары и сараи также солидные, построенные капитально.

И при всем при этом странная, тихая пустота было вокруг. Ни души! И не только человеческой. Никакой живности – чего, казалось бы, в деревне должно быть пруд пруди...

– Слушайте! – первый озвучил общее мнение Пашка. – А тихо-то здесь как, чуете? Как повымерло все.

– Жара, – предположил Аркадий.

– Нет, пожалуй. Жара – жарой, но все-таки...

Из проулка тем временем они вышли на улицу, тоже неестественно пустую, пропеченную солнцем. Павел открыл было рот, чтобы произнести нечто, но это нечто так и осталось его секретом, ибо тут неожиданно и вновь-таки тихо, совсем без скрипа, отворилась калитка ближайшего дома и предъявила парням бабульку в платочке и сереньком ситцевом платье.

– Ну вот, – обрадовался Егор. – А вы говорите! Вот вам первый живой организм.

«Организм» тоже увидел гостей и приостановился, с интересом глядя на них и подслеповато, по-старушечьи моргая.

Пашка решительно шагнул вперед.

– Добрый день, бабушка! – зачем-то во всю глотку проорал он.

– И вам того же сынки, – негромко отозвалась старуха.

– Мы по реке приплыли! – с той же натугой гаркнул За-

белин. – Туристы!

– А ты не кричи, сынок, я не глухая, – доброжелательно посоветовала бабка. – Вижу, что туристы, вижу, что по реке. Вижу, что товарищ ваш пропал. ...Ну да уж тут ничего не попишешь, планида у него такая. Вы себя не вините, вы тут ни при чем.

* * *

Сказать, что все трое потеряли дар речи, значит, ничего не сказать. Но внешне оно выглядело именно так: трое мужчин онемели и в полном остоленении смотрели на бабку, как на диковину, которую впору показывать по телевизору.

В маленьких, окруженных множеством морщинок бабкиных глазах явно мелькнула насмешка.

– Что это вы, молодцы? – с лукавым участием спросила она. – Ай, удивились?

– Д-да уж... – выдавил Пашка. – Мы, честно говоря, думали, что нас уже ничто не удивит. Но вот сейчас...

– Э, милый, – с глубоким убеждением произнесла старушка и махнула рукой. – Поживете тут недельку, так и вовсе удивляться разучитесь.

– То есть, что значит – поживете с недельку? – подозрительно осведомился Княженцев. – Мы у вас не предполагаем

задерживаться.

– Так ведь человек предполагает, милый, а Бог располагает...

Бабулька вроде бы еще что-то хотела сказать, но запнулась и говорить не стала – так, по крайней мере, показалось Егору.

– Простите, бабушка, а как вас зовут? – вступил в разговор Аркадий.

– Клавдия Макаровна, – охотно ответила старушка. – Полатыни значит «хромая», – она засмеялась, показав удивительно ровные и белые зубы. – Но я-то не хромая, хранит пока царица небесная!

И она размашисто перекрестилась.

Откуда деревенской бабушке известен язык Цицерона и Горация, никто спрашивать не стал, почтительно промолчали. Клавдия же Макаровна вдруг спохватилась:

– Да что же мы это с вами на улице стоим! Заходите ко мне, в холодке посидите да молочка холодненького выпьете.

Парни переглянулись.

– Мы бы с удовольствием... – начал Пашка неуверенно, но бабка враз живо подхватила:

– Да за товарища вашего вы не беспокойтесь! Посидит там, внизу, ничего ему не сделается. А вы зайдите, отдохните малость да остыньте. Я вам заодно и расскажу кое-что.

– Давайте, парни, – серьезно сказал Аркадий. – Идем, Клавдия Макаровна.

Зашли в опрятный, поросший зеленой травкой дворик, затем в прохладные тесноватые сени, в которых почему-то хотелось наклонить голову, ступая в горницу, хотя дверь в нее вовсе не была низкой.

– Проходите, проходите, – хлопотала хозяйка. – Сейчас я вам молочка принесу холодненького.

– Вот как. – Егор улыбнулся. – А что-то у вас в деревне тихо, живности никакой... да и людей тоже не видно?

– Жарко сегодня, так и палит.

Княженцев мысленно приподнял брови – ага, мол... Бабка явно ответила уклончиво. И Егор сделал вид, что этого не заметил.

– Давайте я в погреб слазаю? – предложил Пашка.

– Сиди, сиди, милый! Я сама, это мне не трудно. Только банку прими у меня сверху.

Минут через пять парни сидели за столом, с наслаждением пили холодное, необыкновенно вкусное молоко.

– Вы пейте осторожно, маленькими глоточками, – предупредила Клавдия Макаровна.

Егор оглядел комнату. Обычная деревенская горница, с двумя маленькими окнами, чисто выбеленной русской печкой, немудреной мебелью. Княженцев обратил внимание на потемневшую икону Казанской Божией Матери в углу, перед которой мирно светился огонек лампы.

– Вы, Клавдия Макаровна, что-то хотели рассказать нам? – напомнил он.

Хозяйка улыбнулась, подседа к столу.

– Обещала, – согласилась она – А коли обещала, так расскажу. Может, еще молочка кому?

Пашка крупно глотнул из стакана, облизнул губы.

– Нет, спасибо, – сказал он один за всех. – Мы вас слушаем! Нам это очень интересно.

– А мы с эдаким-то интересом уже лет шестьдесят как живем...

Рассказ Клавдии Макаровны

Лет шестьдесят тому назад или даже поболее шестидесяти – началась эта история. Еще до войны, в середине тридцатых...

Время тогда было смутное, и даже в таёжную уральскую глушь долетали отголоски бурь, потрясавших страну. Люди притихли, жить старались незаметно, не знали верить или нет нелепым слухам. Конечно, приезжало районное начальство, но и оно, хоть делало строгий и важный вид, а тоже было видно, что сбито с толку, и ни шиша не знает, и всего боится, а пуще прочего – сболтнуть сдуру чего-то лишнего.

И вот в такое время, к концу лета – а на Урале это уже, в сущности, осень, – в пору дождей, ненастья и распутицы, в Метеле объявился незнакомый человек. Как он пришел в

деревню, откуда – никто, ни один местный житель не знал и раньше никогда его не видел. Как-то сразу возник, и все тут, в пустом доме, откуда несколько лет назад подалась на заработки, на какую-то стройку семья местных жителей – подалась, да и сгинула, растворилась без следа в бескрайней нашей стране.

Новый человек в деревне – это, понятное дело, событие; одних только разговоров на неделю, да не на одну. Деревенские приглядывались, перешептывались. Пришелец чин чинном ходил в сельсовет, поговорил с председателем. О чем разговор был – неизвестно, но с того дня незнакомец стал активно обустроиваться в доме, застучал его топор, завизжала пила, задымила печка, и вскоре брошенный угрюмый дом ожил.

Ясно, впрочем, что незнакомцем новый обитатель оставался недолго. Скоро уже все знали, что фамилия его Пацюк, звать Прокоп Трофимович. А прибыл он с Украины. Откуда точно, теперь уже не узнать: тогдашние метелинцы этим не интересовались. Да и вообще им эта далекая для них Украина представлялась по размерам чем-то вроде волости.

Сами-то метелинцы тоже, понятное дело, были потомками давних переселенцев – в незапамятные времена сюда, на башкирские земли, переправляли для работы на демидовских заводах людей из центральной России целыми деревнями. Откуда именно?.. Теперь уж никто не помнил. В Метеле и ещё нескольких соседних сёлах поговаривали, будто

их предки были родом то ли из-под Новгорода, то ли из-под Пскова... но всё это оставалось лишь слухами.

Словом, приезду нового человека никто особо не удивился. Удивляться пришлось позже.

Странное дело... дом ожил, верно. Однако остался таким же угрюмым, сумрачным, каким-то неуютным. Да больше того! К нему и подходить-то не хотелось, неприятное, необъяснимое чувство угнетало всякого, оказавшегося вблизи от этого дома.

Может быть, это вызывалось самим Пацюком, типом на редкость мрачным, неразговорчивым и неприветливым; это тем более бросалось в глаза, что должность он занял видную – стал заведующим только что открывшимся пунктом кооператива «Заготсырьё», который занимался скупкой всяких шкур и кож. Как нарочно получилось: будто бы ждали, когда явится этот Трофимыч, чтобы специально для него открыть заготовительный пункт. И вот торчал он день-деньской в этом пункте, хмурый, как сыч, принимал шкуры. А в девятнадцать ноль-ноль запирает дверь пункта на огромный амбарный замок и шагал домой, такой же хмурый. И уж когда приходил, больше не высывался, только из трубы дым шел, да в щелях меж ставнями пробивался тусклый свет керосиновой лампы. Ни к кому в гости Прокоп не ходил, даже с вопросами никакими ни к кому не обращался, разве что изредка завернет в сельсовет к председателю. И к себе старался никого не пускать. По-первости находились любопытные,

особенно бабы: как бы за тем да за этим забежали к новому односельчанину. Кто за солью, кто за спичками... Но у того дверь всегда была закрыта, а на стук он выходил на крыльцо и опять-таки плотно за собою дверь прикрывал. Набывчившись, выслушивал просьбу и либо молча выносил искомое, либо коротко отвечал, что оно нет. А если кто из баб начинал заводить какие-то посторонние разговоры, он поднимал глаза и так взглядывал на тетку, что ту прошибал холодный пот, и язык мигом прилипал к гортани. Потом бабы судачили, и пошел слух, что заготовитель – колдун или что-то вроде того. Говорили об этом, таясь, шепотом, с оглядкой – но ведь сарафанное радио, известно, самое эффективное, и вскоре уже и мужики заговорили о том же, с ухмылками вроде, с присказками о бабьей дурости... но заговорили.

Да и то взять: с чего бы Пацюку так запирается от людей? У него ведь ставни даже днем не открывались, как закрыл он их на засовы, когда въехал, так ни разу не отпер. И бабы, потыкавшись с глупого интереса к жителю дома, быстро отшатнулись прочь, вот и стояло обиталище сумрачное. А насчет того, что чем-то тревожным и неприятным веет от него... черт его знает, может это одни только разговоры?.. Бабы натреплют языками, и не такое почудится.

Итак, сомнение было посеяно в умы. Усугубил его один известный краснобай и баламут местного значения – Колька Трунов, был такой. Как-то раз, когда мужики в компании поддали, он хвастливо сказал, что вот, мол, он проверит, кол-

дун этот хохол или нет. Как это? – заинтересовался народ. «Да очень просто. Заявлюсь к нему, да прямо так в лоб и шваркну: выкладывай, мол, кто ты таков есть! Что за рожа?»

Мужики поржали, и разговор перешел на что-то другое. Но Николай свой план не оставил. Он принял еще граммов двести, от чего его неумная активность перешла все границы, и когда компания разошлась, Трунов вроде бы как тоже пошел домой, а сам, незаметно свернув в проулок, двинулся к логову пришельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.